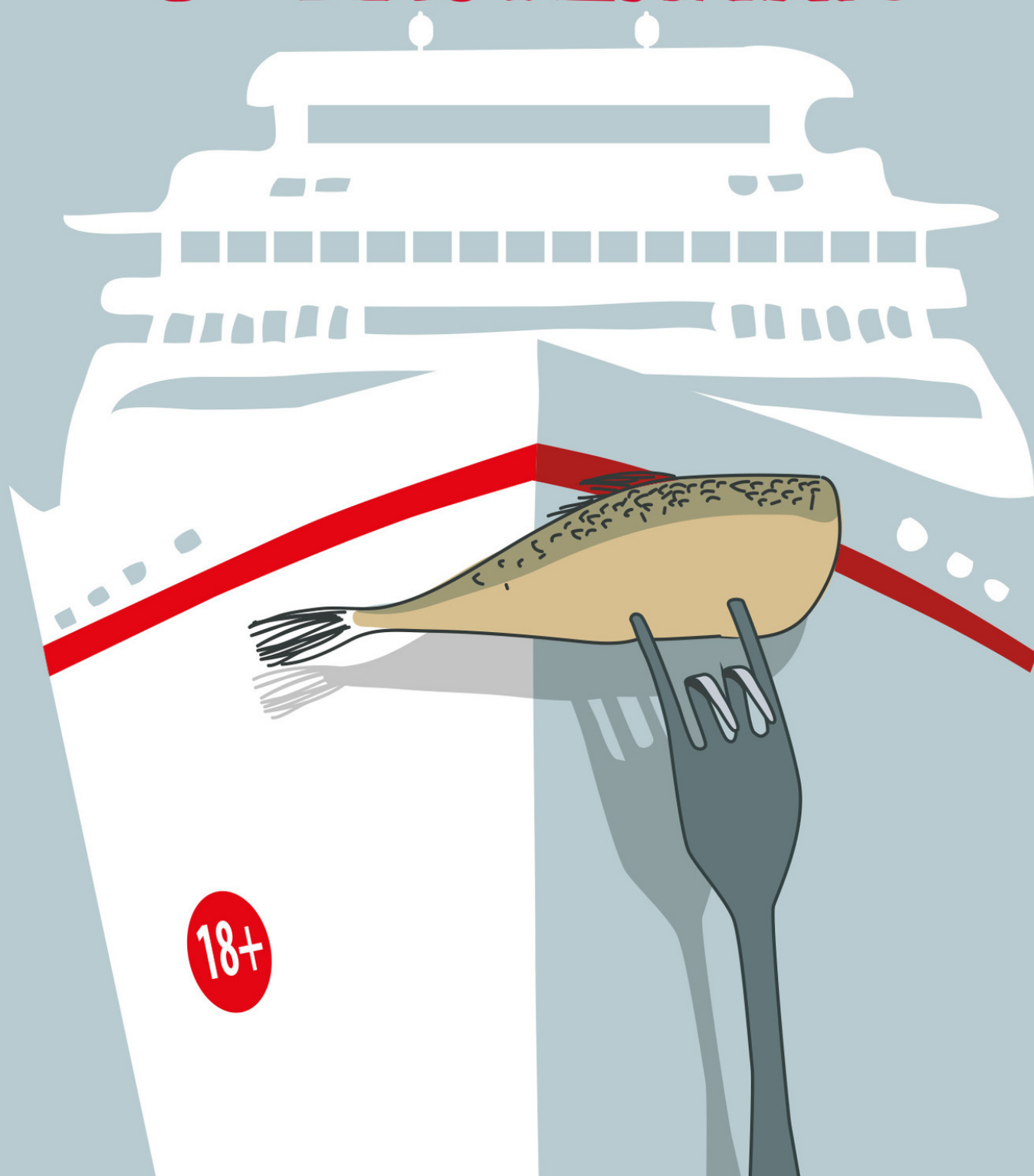

МИХАИЛ ШАХНАЗАРОВ

«КОНТРАБАС» И ВИСКИ С ТРЮФЕЛЯМИ

18+

Одобрено Рунетом

Михаил Шахназаров

**«Контрабас» и виски с
трюфелями (сборник)**

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Шахназаров М. С.

«Контрабас» и виски с трюфелями (сборник) /
М. С. Шахназаров — «АСТ», 2018 — (Одобрено Рунетом)

ISBN 978-5-17-107073-1

Безусловно, в этой книге больше смеха, чем грусти. В ней частичка моей жизни, жизни моих друзей и города, который остался только в воспоминаниях. Когда идешь по знакомым с детства улицам, невольно начинаешь воскрешать в памяти те или иные моменты, связанные с твоим прошлым. И ты попадаешь в невидимое облако ностальгии – чувства, которое многие считают грустным. Ничего подобного! Ностальгия дарит нам те самые контрасты, делающие воспоминания и яркими, и грустными, и дорогими сердцу. Здесь и про журналистов, и про асов контрабанды, и про любовь, без которой неспособна жить ни одна книга. А главное, что все эти истории реальны. Впрочем, прочтете и сами в этом убедитесь.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-107073-1

© Шахназаров М. С., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Мертвые дворники	6
Розамунда	18
Мечта пилигрима	23
Шаурма с белугой	29
Хризантемы	33
Чисто	37
Гречка	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Михаил Шахназаров

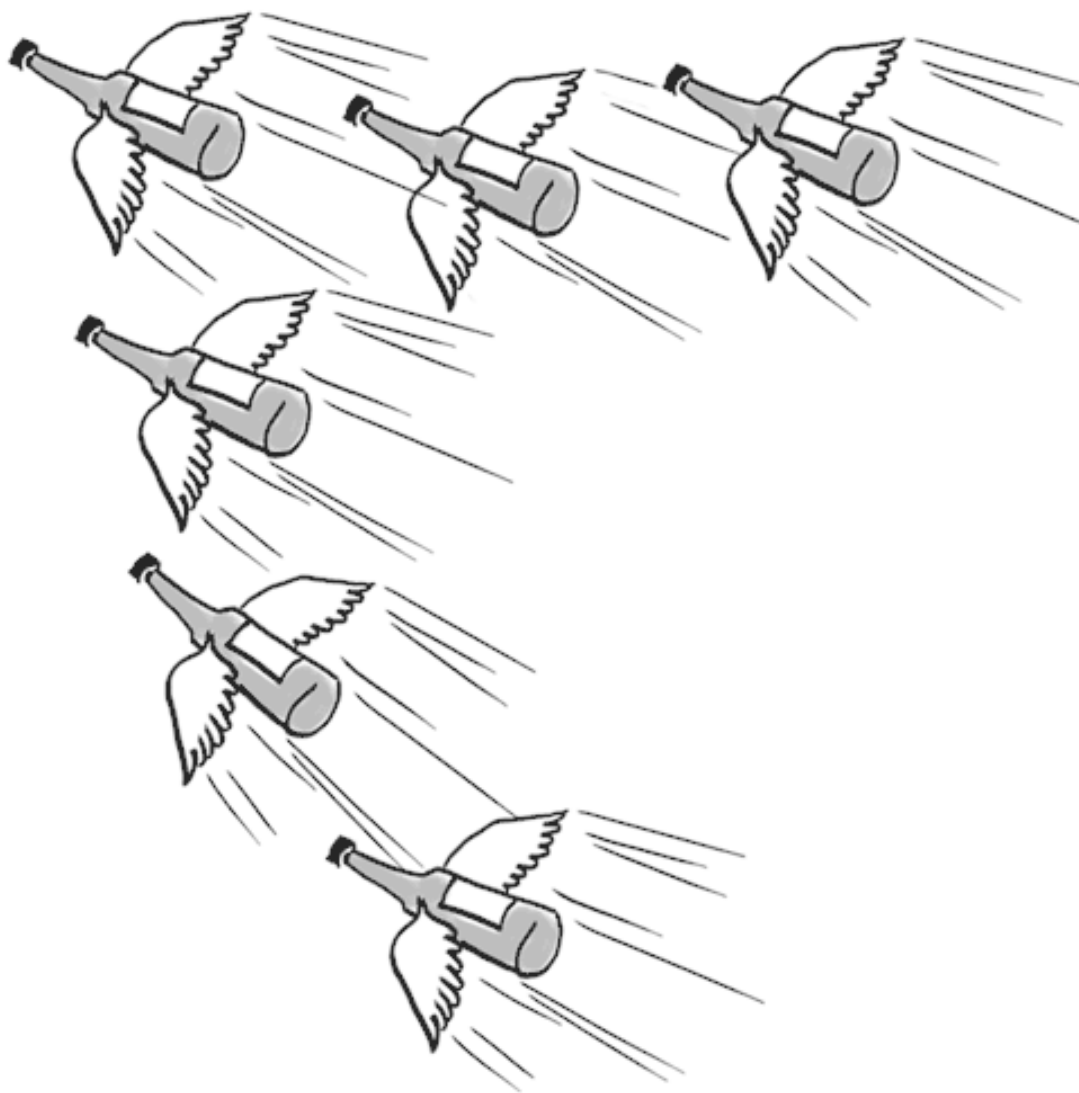
«Контрабас» и виски с трюфелями

© Михаил Шахназаров, текст, 2018

© Юлия Межова, иллюстрации, 2018

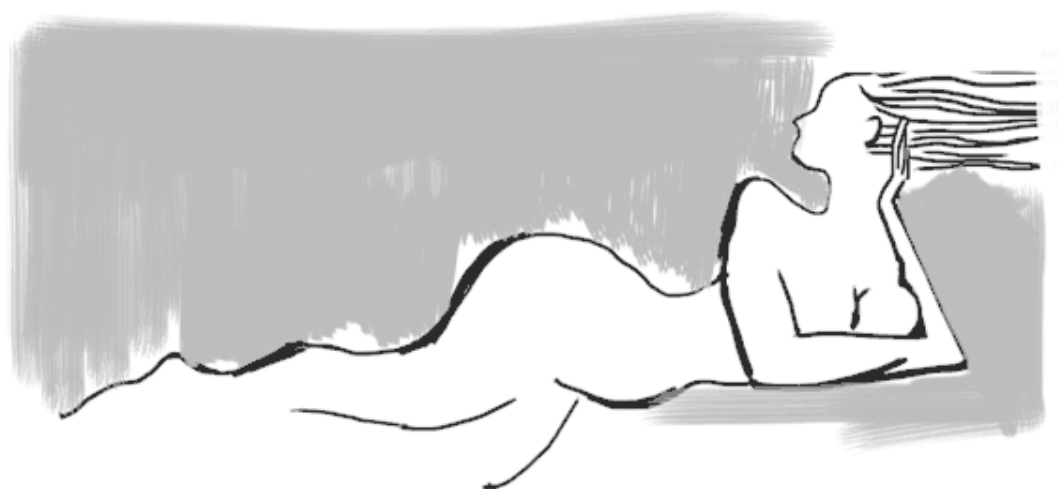
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Мертвые дворники

Пальцы скользнули по линолеуму. Пустая бутылка с гулом откатилась к серванту. Телефон оказался под подушкой. Табло Вадика отпугнуло. Одиннадцать пропущенных звонков! Четыре неизвестных номера. И три звонка от Сергеича... Набирать номер Александра Сергеевича Вадик устранился. Голос покажется громким, озлобленным. Интонации зазвучат уничижительно. Лучше выпить граммов пятьдесят, а потом уже и объясниться. Но надежнее выпить сто граммов. Пятьдесят – придают уверенности. Сто грамм – помогут быть смелым, неустрашимым. И даже на какое-то время деятельным.

Пошатываясь, Вадим дошел до ванной комнаты. Зубная щетка больно впивалась в десны. Зажмурив глаза, Вадик сплюнул на белизну раковины и ополоснул пунцовое лицо. Еще десять, максимум пятнадцать минут – и облегчение.

У подъезда, опершись на черенок метлы, стояла дворничиха тетя Клава. Год назад тетя Клава похоронила мужа. Он прошел войну, имел боевые награды. А еще – подаренный зажиточным кооператором протез, сделанный по специальному заказу в Германии. Последние годы служил военкомом и маниакально преследовал отказников. Иногда в состоянии тяжелого алкогольного врыва в квартиры и кричал. Кричал, что вокруг ренегаты, фашистские прихвостни, наркоманы, дезертиры и полицаи. Малолетней, но ранней потаскушке Регине из третьего подъезда орал с балкона, что во время войны он бы отослал ее в штрафбат. Грехи замаливать или болванки таскать на танковый завод. А еще дядя Игорь, или полковник Феофанов, рьяно болел за футбольный ЦСКА. Когда ЦСКА выигрывал, офицер добрел. Если любимая команда влетала, Феофанов буйствовал. Иногда поколачивал тетю Клаву. Бывало, вымещал злость на призывниках. Рассказывали, что после одного из проигрышей в военкомат явился юноша. Сам пришел, что уже редкость. Шею паренька обвивал красно-белый спартаковский шарфик.

– Так, значит, за «Спартак» болеешь? – спросил военком.

– Так точно, товарищ полковник: за родной московский «Спартак»! – отрапортовал будущий воин.

– На Дальнем Востоке будешь теперь болеть! И ангиной, и гриппом, и за родной московский «Спартак»! – заорал Феофанов. – Будешь в стройбате глотку свою рвать за родной московский «Спартак»! Сам станешь красно-белым от мороза, как твой шарфик!

Впрочем, красно-белым разок был и сам военком. Упился до белой горячки. Ковыляя, носился по двору. Песочницу детскую за окоп принял, просил, чтобы его прикрыли... Прикрыли в вытрезвитель. Но, разобравшись, отпустили с миром, поблагодарив за защиту Родины от немецко-фашистских захватчиков. А через пару месяцев полковник Феофанов отправился в мир иной. Поговаривали, что отравился. Не то консервами, не то водкой.

На похоронах плакали и стреляли в небо. Скандал небольшой произошел. Когда церемония прощания подходила к экватору, какой-то прапорщик заметил, что один веночек в каноны траурной икебаны явно не вписывается. С одной стороны расправленной красно-белой ленты виднелась надпись: «Сладких снов, товарищ полковник!» С другой – в мир смотрел слоган: «„Спартак“ чемпион!» Виновных искали, но вместо них нашли несколько непригодных к службе сутулых юношей в прыщах и красно-белых шарфиках...

Заметив Вадика, тетя Клава подбоченилась. Качая головой, произнесла:

– Э-э-х-х... Вадик... Ты глянь, на кого похож-то стал, а!

– На мужа вашего покойного перед уходом похож я стал. Просто вылитый, – вибрирующим голосом ответил Вадим.

– Вот-вот! Именно! Только он тебе в деды годился. Он войну, в отличие от тебя, прошел. Да и после нее много дел полезных сделал. А ты все в огонь, воду и медные трубы угодить норовишь.

– Я завтра исправлюсь. К Богу обращусь.

– Ты-то обратишься? Если его лик на этикетке водочной пропечатают, то вообще богоборцем станешь.

– Нет. В монастырь уйду. В женский, тетя Клава. Буду в кельях высокодуховных детишек строгать. С Библиями в руках будут свету являться. И не станут орать, как все новорожденные. А сразу нести проповедями своими в мир доброе, светлое и вечное будут. Аминь, тетя Клава. И да будет в мире этом...

– Тьфу! Пошляк, богохульник!.. Слушай, Вадик. Погоди... Постой. Ну ты же не такой, а?.. Я вот к тебе давно с просьбой хочу обратиться. Фото свое ни разу в газете не видела. За всю жизнь ни разу. Трудно тебе, а? Все равно ведь больше отдыхаешь, чем работаешь. А фото в газете... Знаешь, как приятно перед подругами похвастаться? Вот, мол, труженица. Ну?.. Ну, там, заметку приятную можешь ведь накропать? – с улыбкой произнесла женщина.

– Ну можно вообще-то. Я подумаю, тетя Клава. Вернее, придумаю что-нибудь.

Подмигнув дворничихе, Вадик резвым шагом направился к дверям магазина.

Под потолком душного гастронома лениво барражировали мухи. В мясном отделе булькал засаленный радиоприемник с кривой антенной. Вид заветренной говядины вызвал у Вадика спазм. Батоны вареной колбасы напоминали отрубленные конечности. С отвращением поморщившись, он направился к винно-водочному. Вадику не нравилось, что отдел назывался именно винно-водочным. Казалось, покупателя провоцируют на убийственный коктейль из шамурлы и «Столичной». Полки радовали этикеточным многоцветьем. Вадим вспомнил алкоголика-дядю. Его убило похмелье. Он, как раненый боец, дополз до магазина. А дяде сказали, что водку еще не завезли. Так на ступенях филиала храма Бахуса дядя и отдал Богу душу.

Аккуратно уложив бутылку на дно пластиковой корзины, Вадик подошел к кассе. За аппаратом сидела Люда. Грудь девушки объемами напоминала пародийную. Табличка с именем не висела, а лежала на вздымающемся от дыхания бюсте. Запястья вырисовывали складочки трехлетней девочки-пышки. Вадим недолюбливал Людмилу. Она криво улыбалась, хрюкала во время смеха, потешалась над своими шутками и напевала под нос песни Ротару.

– Вадик, а зачем тебе сухие супы? Ты в водке сухие супы варишь, да?

– Я ими оливье заправляю.

– И не надоело тебе глазенки заливать?

– Ты еще скажи: на кого, мол, ты, Вадик, стал похож?

– А чо говорить-то? На забулдыгу ты и похож. Интересный, умный вроде, а похож на алкаша.

– А ты выходи за меня замуж. Я пить брошу. Образует семейное гнездо, в которое ты каждый вечер будешь приземляться сизым геликоптером. Потом детишек нашинкуем. А они будут дарить нам мир. И будет в них щ-щ-астье!

– Два щ-щ-астья с тобой будет! Да и нашинкуешь с тобой разве что соломки морковной. У нас, наверное, просроченные бананы тверже твоей машинки шинковальной... – на этих словах Люда, прихрюкнув, залилась смехом.

– Знаешь, Людок... Тебя погубит пошлый юмор подворотен, запах из рыбного отдела и отсутствие стремления к карьерному росту. Иди в ПТУ и помни! Помни, что учиться никогда не поздно.

– Тоже мне, идиотик ученый. Я, между прочим, колледж закончила.

– Оно и видно. А колледж, то есть бывшее ПТУ, закончил тебя как женщину.

В спину коротко стрельнуло слово «урод». Вадик быстро вышел на улицу. Откупорив бутылку, сделал пару глотков. Солнце уже не резало глаза. Не копошилось в них своими острыми лучиками, а светило ласково. Листья не были пыльными и блеклыми. Пение птиц не нервировало... На скамеечке у подъезда сидела тетя Клава. Руки женщины были распластаны по недавно выкрашенной спинке. Голова покоилась на левом плече. Тетя Клава дремала. Милая улыбка, чуть подрагивающие веки, дряблые щеки. С минуту посмотрев на соседку, Вадик вбежал в подъезд. Вернулся с фотоаппаратом. На детской площадке сублинный юноша угощал пивом свою первую любовь. Вадик подбежал к мальчишке:

– Юниор, срочно нужна помощь.

– Мелочи нет, – прогундосил мальчик.

– Зато синяк может появиться. Тоже мелочь, но неприятная. Пошли. Будем снимать высокохудожественное фото.

– Мама говорит, что я жутко нефотогеничен.

– Зато языкаст. Значит, смотри. Тихонько так подойди к скамейке. И как можно ближе к этой мирно спящей труженице. Густо намажь на лицо всю трагедию вашего утерянного для жизни поколения. Голову ручонками обхвати. Вот так, – Вадик показал, как нужно обхватывать голову свидетелям трагедии.

– И что взамен?

– Взамен? Слава взамен, известность! Увидишь свою худошавую мордашку в газете. Купишь экземпляров десять. Девушке один подаришь. Остальные – родне, хулиганью местному покажешь, чтобы не били. Давай, давай, юниор, торопись. Следующий раз тебя, если и пропечатают, так либо в боевом листке, либо в криминальной хронике. А это уже не слава, это суррогат.

Юноша достаточно правдоподобно хватался за голову, корчил рожи. Вадик ловил удачные ракурсы... Забежав в квартиру, вспомнил о купленной бутылке. Настроение, поднявшееся благодаря творческой удаче, стало еще более приятным. Конечно же, Вадим вспомнил и о совести. Но денег у него практически не оставалось. Материала для статьи не было.

Опорожнив добрых полстакана, Вадим набрал номер Александра Сергеевича. Первым начал говорить главред:

– Вадик, ты мне что обещал? Ты мне обещал материал: «бомбу» о «черных копателях» с каких-то плодоносящих трофеями болот. С фотографиями обещал. С интервью главного «черного копателя». И с интригой, которую можно растянуть на три номера. И где этот материал?

– Сорвалось с копателями, Александр Сергеевич. Они какое-то разрешение не получили. Вот мы и не поехали.

– Вадик, ты, насколько я могу судить по голосу, трезв. Ну, или успел опохмелиться. Но, может, я и ошибаюсь. Может, ты вообще не пил. Так какого же рожна ты несешь ахинею? С какими копателями ты хотел делать байку?

– Я же говорил, с какими. С «черными», Александр Сергеевич.

– Так зачем же им разрешение, если они «черные»?

– Ну... Ну, не от властей разрешение, а от «братвы». Зоны поиска ценностей поделены на квадраты. Эти квадраты распределены между организованными преступными группировками и...

– И бригады денно и ночью выставляют на болотах посты из отморозков, – перебил главред, – чтобы «черные копатели» не утащили у них из-под носа ржавый пулемет, башню танка или сундуки с золотом Третьего рейха?.. Знаешь, Вадик... Вот есть поговорка, что, мол, лень родилась раньше какого-либо человека. Раньше тебя, Вадик, родилась не лень, а ложь. В общем, так. Либо завтра сдаешь хорошую байку, либо будем говорить по-другому. Пусть не «бомба», пусть нормальный читабельный, как сейчас говорят, материал. Завтра, Вадик.

– Материал уже есть, Александр Сергеевич. Не взрывной и скандальный, правда. Он трогательный. Можно даже сказать, исполненный трагизма нашей жизни. Осталось, как вы говорите, поместить ядро в оболочку.

– Помещай, Вадик. А то я помещу тебя в список неблагонадежных. В такой же черный, как твои копатели с разрешениями...

Порицания показались Вадiku не слишком злыми. После очередных ста грамм Вадик счел их за отеческие. Монитор ожил полупорнографической заставкой. Из колонок рвался в мир Билли Айдол. На белом полотне появился заголовок: «А старики уходят и уходят...» Из угла губ то и дело вываливалась сигарета. Вадик подобно гению фортепиано стучал по клавишам. Так же откидывал назад голову, когда организм просил очередной порции зелья. Три часа уложились в статью на целую полосу.

Закончив гнать строку, Вадик принялся ретушировать фото. Несколько раз посмотрев на снимок, пришел к выводу, что есть на нем детали лишние, отвлекающие. Из кадра исчезло левое крыло «мерседеса», мусорный ящик и беременная кошка Франя. По мнению Вадика, читателя должен был зацепить эффект безвременья. Но эффекта не получилось. На страдающем юноше были кроссовки и бейсболка. А юноша был одним из несущих элементов экспозиции. Его убирать было ни в коем случае нельзя.

Отослав письмо Сергеичу, Вадик потянулся. Выпив еще рюмку, улыбнувшись, прилег на диван...

Разбудили Вадима ноты «Валькирии». Эта мелодия была закреплена за звонком главреда. Голос шефа был грустным. Можно сказать, скорбным.

– Ну еще раз здравствуй, Вадим... Получил твой материал. Прочел и в очередной раз понял, насколько ты небесталанен. Только, Бога ради, не обольщайся, прими эту похвалу достойно, – Сергеич взял паузу. – Старушка, выходит, на твоих глазах прямо и представилась?

– Почти, Александр Сергеевич. Иду, вижу, ее внучек голосит на всю улицу. Знаете, у самого защемило все внутри. Как будто лезвием по грудице кромсали. Ну, я тут же по мобильному неотложку вызвал. А о материале и не помышлял даже. Знаете, подумал поначалу, что, мол, долг журналиста дело хорошее... Но до определенных границ. Человек ушел в мир иной, а я буду, как папарацци, нащелкивать эту трагичную картину?.. А потом – как осенило, Александр Сергеевич! Будто луч какой снизошел! Ведь ушел человек, ушла жизнь... И, возможно, жизнь, о которой написать именно долг журналиста, – Вадим уже верил себе.

– В этом ты прав... Послушай, а откуда ты биографию Марты Францевны Изотовой, в девичестве Рейншталлер, узнал?

– Там же сноска есть в конце материала. С благодарностью родственникам Марты Францевны за помощь в подготовке материала.

– Ах да... вижу... – Вадиму показалось, что в трубке что-то булькнуло, и главный сильно выдохнул. – Знаешь, что я еще, Вадим, думаю. Не больно ли фото реалистичное? Добрый, можно сказать, пропитанный любовью и скорбью рассказ – и фото покойницы. Вроде как не раздел криминала. Ты как сам считаешь?

– Думаю, что как раз это фото материал и несет.

– А мы знаем что сделаем? Мы сделаем побольше фотографии, где она в детские годы. Вот где на стульчике стоит, например. Ее увеличим. И где в профиль на набережной, тоже побольше поставим, – моделировал макет Сергеич. – Как годы меняют женщин-то, а?.. Один человек, а на всех фотографиях такая разная...

Здесь стоит пояснить, что для придания большей достоверности своему повествованию Вадик отсканировал детские фотографии своей покойной бабушки. В этот момент он второй раз за день помянул совесть.

– Да я иногда на свои фото смотрю, Александр Сергеевич, и тоже удивляюсь. Вроде всего-то три-четыре года прошло... а так сильно изменился, – вставил Вадим.

– А ты, Вадик, иногда не по дням, а по часам меняешься. Это потому как водку жрешь декалитрами.

А три, как ты говоришь, четыре года назад тебя только с бутылкой пива можно было увидеть. Да и то редко. Так что помолчал бы, Вадик... Но материал хорош... Получишь полтора гонорара.

– Спасибо вам, Александр Сергеевич. И у меня просьба большая к вам. Вы не могли бы в бухгалтерии попросить, чтобы они деньги хотя бы завтра перевели? Я поиздержался сильно. Но деньги нужны не на водку, а исключительно для работы. Игорь Савин рассказал, что буквально в сорока километрах от города есть дом с очень странной историей.

– Привидения?

– Что привидения?

– Спрашиваю, привидения в доме том обитают?

– Нет. Обитает там какой-то дедок и полтергейст.

– Про эту халабуду уже писали наши конкуренты. Ну хорошо, хорошо... Сделай байку про дедка с полтергейстом. Только умоляю, Вадик. Дед, насколько я знаю, патентованный алкаш. Может, отсюда и байка про блуждающих по этажам духов. Чтобы со стариком не наяривал! И без всяких изысков в твоём стиле. А то у тебя хватит ума написать, что старичок состоит с полтергейстом в гомосексуальной связи. Или что они на пару спиваются, а по ночам воют на луну. Напиши как есть, добавь чего-нибудь разумного. Комментарий у какого-нибудь паранормального специалиста возьми. А в бухгалтерию я сейчас позвоню.

Вадику стало одновременно и радостно, и грустно. Бывает такое чувство, когда трудно определить, какие эмоции берут верх в твоей душе. Тетю Клаву вот «похоронил» в угоду своим меркантильным интересам. Но с другой стороны – примета хорошая. Значит, долго еще проживет. Это как во сне. Увидел похороны близкого человека, значит, еще годков впереди немало. А вот если Клавдия статейку увидит, то о приметах вспоминать не придется... Что касается денег, то полтора гонорара – сумма не бог весть какая. Но позволяет оттянуть время обращения к родителям с просьбой материально простимулировать юное дарование, ищущее выход из морального и творческого кризиса.

Оставшись верным принципам максимализма, Вадим допил водку. Позвонив Юле, напросился в гости...

Время, проведенное с Юлей, закончилось скандалом. Вадима девушка поутру выпроводила. Морось, слякоть... Под козырьком обшарпанной остановки с рекламой «Спрайта» лобызались бледные студенты с рюкзаками. Вадик подошел к газетному киоску, купил свежий

номер. Материал распластался на всю полосу. Повернув газету к киоскерше, Вадик довольно проговорил:

– Вот, смотрите. Моя статья. Сам написал. Можно сказать, выстрадал.

– Угу. Молодец. Иди еще что-нибудь напиши. Пострадай и напиши, – вяло отреагировала женщина, надкусывая крупную сливу.

Безразличие киоскерши, оскорбительный и высокий тон Юли, заставившая поежиться сирена скорой – все это вновь заставило Вадика потратить день впустую. Попивая смешанную с апельсиновым соком водку, он пытался заглянуть в будущее. В свое будущее. Вадик осознавал, что теряет дни, недели, даже месяцы. Думать об этом больно. Но можно помечтать: «Наверстаю, остепенюсь...» А если не получится? Тогда придется считать потерянные годы. Хотя их, наверное, и не считают. А вспоминают об этих потерянных годах и тут же отдают Богу душу. Инфаркт – как плата за самые роскошные и бесполезные траты жизни. За траты времени...

Вадик наблюдал за водителем автобуса. Вот он вышел из своего железного кормильца. Стоит и трет фары. С яростью их трет. Он ухоженный, крепкий, но злой и неудовлетворенный. Маленькая зарплата, хамоватые сволочи-пассажиры, негодяй-кондуктор не делится выручкой за «левые» билетки. И одни и те же остановки. Замызганные, с полуразбитыми рекламными щитами. На них черные баскетболисты вколачивают в корзину огромный «апельсин». На них до тошноты глянцевые девицы блестят кремами из канцерогенов. В этой рекламе жизнь не для водителей автобусов и пассажиров. Вадик вспомнил, что видел на троллейбусном полустанке рекламу FERRE. Неужели идиоты из рекламного агентства всерьез думают, что трудолюбивые женщины с лицами мучениц, бабушки, глядящие на небеса, удаленные от мира бомжи и сосредоточенные токари знают, кто такой FERRE? Да узнай они, разбитых реклам с FERRE было бы много больше.

Водитель закончил полировать фары и вернулся в салон. Положив руки на громадное колесо руля, откинул назад голову. Скоро конец смены. Дома – истосковавшееся дитя с перемазанным вареньем лицом и фурункулами, угрюмая супруга с ужином и плохой вестью. И всю ночь ему будут сниться замызганные фары, которые он трет ветошью...

Вадик набрал телефон Юли.

– Юля, а вот водитель автобуса...

– Что водитель автобуса?

– Водитель автобуса может быть счастлив?

– Я думала, ты извиниться... А почему, собственно, водитель автобуса или троллейбуса должен быть несчастлив?

– Нет, ну вот пилот лайнера – оно понятно. Обольстительные стюардессы не дают скучать, облака вокруг... А под ними – страны и города красивые. Пилот – над земной суетой, над головами миллиардов людей. Он парит, ощущает свободу и... И ему не нужно протирать ветошью фары.

– Какие фары, Вадим?.. Ты где? Ты ел сегодня? Слышишь, Вадик? Приезжай. Быстро приезжай!

Вадик отправился к Юле. Засыпая, он будет гладить нежное плечико, на котором вытатуирован смешной лемур. Смотреть на голубоватый лучик, пробивающийся из-под штор, и стараться заснуть.

Утром следующего дня Вадим клятвенно обещал Юле перейти на положение «сухого закона». Позвонил коллеге Игорю Ледахову. Рассказал, что всего в сорока километрах от города есть замечательное местечко, что стоит там умиляющий своей безнадежной обветшалостью домишко, а проживает в нем не отказывающийся от рюмахи дед и что-то неведомое. Игорь тревожно спросил, не живет ли с алкоголизирующим пенсионером деклассированная

женщина с опухшим лицом и запахом? Получив отрицательный ответ, успокоился. Привидений он не боялся, а вот неопрятными женщинами брезговал и чурался их.

Выезжать решили ближе к вечеру. Скверное настроение Вадима переменялось. Смотришь, после байки о паранормальной лачужке вновь появится вкус к работе. Свободного времени станет меньше, дурных мыслей поубавится.

Жизнеутверждающие мечтания Вадика прервала вибрация телефона.

– Слушаю вас, Александр Сергеевич! Весь, можно сказать, во внимании! – радостно отпартовал в трубку Вадик.

– Ну, здравствуй, сука!

Эта фраза была сказана главным редактором так, как она звучит в исторических фильмах, когда разгневанный государь обращается к собранию: «Ну, здравствуйте, бояре!» И бояре в один миг опускают головы. Лица их становятся цвета пепелищ, глаза по углам стреляют. И ждут они проявлений немилости от царя-батюшки.

Вадик медленно осел на пол. Вытащил из пачки сигарету. Не найдя в кармане зажигалки, пополз к журнальному столику.

– За что, Александр Сергеевич?

– За покойницу с тяжелой и удивительной судьбой. За женщину, прожившую яркую и нелегкую жизнь. За Марту Францевну Изотову, в девичестве Рейншталлер, дочку немецкого военнопленного, который полюбил Россию. И поверь, Вадик, я бы назвал тебя не сукой, будь в кабинете один.

В кабинете Александра Сергеевича, раскачиваясь из стороны в сторону, сидела Клавдия Феофанова. В правой руке женщина сжимала свернутую в трубочку газету, левой – нервно выстукивала карандашом по столешнице:

– Своими руками бы гаденыша придушила! Это же надо так мозги пропить, а! Знакомые звонят... Кто с радостью, кто с боязнью и удивлением. А вопрос задают один: «Клава, так ты жива?»

– Не беспокойтесь, Клавдия Семеновна. Сейчас вот договорю с этим негодяем, а потом будем решать, что делать.

Главный вновь переключился на разговор с Вадимом.

– Вадик, в моем кабинете сидит Клавдия Семеновна Феофанова. Ни в чем не повинная женщина, которую ты, можно сказать, виртуально уложил в могилу.

– Значит, долго жить будет. Примета такая, – со страху вставил Вадик.

– Довести, б-дь, хочешь? – Александр Сергеевич саданул кулаком по столешнице.

Клавдия выронила карандаш. Схватившись за голову, произнесла:

– И он еще пререкается... Он еще правоту свою качает.

– Он уже допререкался, – успокоил посетительницу главный. – Значит так, Вадим. Опровержение мы за тебя уже написали. С извинениями и благодарностью товарищу Феофановой за понимание. С ее фотографией, на которой она не умирает на скамейке, а улыбается с номером нашей газеты в руках...

– Хороший, кстати, маркетинговый ход. Тираж подрастет.

– Вадим, если ты сейчас же не заткнешься, решение о твоей судьбе приму я. Вернее, я его уже принял. Но... Есть одно «но». Учитывая образ жизни, который ты изволишь вести, будущее твое тайной для меня не является. В худшем случае – помойка; в лучшем – проживание на правах второго привидения вместе с дедком, про которого ты хотел делать материал. Но в принципе исходы равнозначны. И все же... И все же постараюсь дать тебе шанс. Так вот, Вадим. Если сейчас Клавдия Семеновна сжалится над тобой и не будет требовать увольнения, ты в редакции останешься.

– А вы спросите, Александр Сергеевич. Может, сжалилась уже. А то я волнуюсь.

Трубка затихла. Вадик посмотрел в окно. Порывы ветра качали старенькую ржавую карусель. Неподалеку чернел железный каркас будки. Раньше в ней торговали сахарной ватой. Вадик даже почувствовал этот запах детства. Если закрыть глаза, можно на мгновение перенестись в то далекое время. Мир затихнет, промелькнут цветные картинки, зазвучат обрывки мелодий. А потом станет больно. Распахнув ставни, Вадим посмотрел вниз. Поблескивающие от дождя бруски скамейки. Выцветший газон, усеянный истлевшими листьями. Он вспомнил Андрея. Попытался представить его последний шаг. Шаг или прыжок? А может, и поступок. Уже после смерти Андрея называли слабым человеком, рехнувшимся. Кто-то вообще записал в предатели. А он просто не мог смириться. С тем, что мучает не только себя, но и близких, родных ему людей. Вадик почувствовал дрожь в руках. Резко захлопнул окно. Опустившись на пол, прижал к лицу холодные ладони...

Три дня Вадим литрами пил минеральную воду. На звонки отвечал выборочно. Перед выходом из дому подолгу смотрел в окно, понимал, что встреча с тетей Клавой могла стать фатальной. За эти дни Вадик созвонился с пятью издательскими конторами. В двух о нем были наслышаны. Три оставшихся офиса назначили встречу. О шансе от Сергеича Вадик и думать забыл. Но вечером среды телефон разыграл «Валькирией». Большой палец заметался между кнопками с зеленой и красной трубками. Вадим пожалел, что на панели телефона нет желтой клавиши...

– Слушаю, Александр Сергеич, – Вадим постарался казаться бодрым.

– Чтобы завтра в одиннадцать был в редакции. Ровно в одиннадцать. Все...

Значит, пожалела Клавдия Семеновна, дала еще одну попытку.

В редакции Вадима встретили аплодисментами и улюлюканьем.словно гимнаст, закончивший выступления, он поднял руки. По-озорному улыбаясь, поклонился. Расцеловав секретаря Ирину, осенил себя крестом и шагнул в кабинет главного.

Взгляд Александра Сергеича легкости в общении не сулил. Указав ладонью на стул, Стельнов закурил. Специально выдержал небольшую паузу.

– Вадик, а ты на ипподроме не играешь? Ну, или в казино, допустим?

– Нет, Александр Сергеич. Бог миловал. Алкоголь, бега и рулетка – увлечения столь же несовместимые, как марихуана и секс. А почему спрашиваете?

– Да везучий ты. А если везет, то, как правило, во всем... Доброго сердца человеком оказалась Клавдия. Сначала костерила тебя на чем свет стоит. Потом расчувствовалась и за тебя же просить начала. Значится так, Вадик. Продолжаешь работать, но берешь на себя обязательства. Мэрия города начала кампанию по стимулированию дворников. Понимаешь, о чем я?

– Если честно, то не очень. Стимулирование дворников... Какая-то эротика с пролетарским подтекстом.

Затушив сигарету энергичными движениями пальцев, Александр Сергеевич приподнял очки. В редакции этот жест относили к недружелюбным.

– Ценю твой юмор, Вадик. А ты цени мое терпение. Цени и слушай. Каждую пятницу должна появляться небольшая заметка с фотографией. В заметке – история дворника и его фотография. Дворники, Вадим, должны быть живыми, а не мертвыми. Желательно, с солидным стажем работы.

– Александр Сергеич, так одни таджики тротуары метут. Тетя Клава – редкое исключение. Легче негра в рядах «ку-клукс-клана» отыскать, чем у нас в городе местного дворника со стажем.

– Ты мне эти расистские сравнения брось! – взвился главный. – Пьяница, так еще и расист?

– Какой же я расист, если за сборную Франции по футболу болею?

– А что в сборной Франции по футболу? Я же от спорта далек. Что там, арабы одни?

– Если бы... Два белых, а остальные – из черного колониального наследия.

– Ну хоть играют. Не лентяй. И ты не ленись, Вадим. А лучше – не ленись и не пей. Первая заметка должна появиться на моем столе уже завтра. И еще раз повторяю: дворники должны быть реальными, реальными и живыми. Среди читателей будет проходить голосование. Лучший клинер выиграет путевку в Турцию. Второе место – телевизор. Третье – стиральная машина.

– А дворников теперь клинерами называют?

– Ну, это я так, дань моде...

Кабинет главного Вадим покинул в унынии. У ксерокса пил чай редакционный гонец Игорь Зобов. Быстрее Игоря за водкой никто из журналистов не бегал. Но его желание услужить главному многим было не по нраву. Случалось, Игоря били.

– Вздрычили, Вадь? – с улыбкой спросил Зобов.

Вадим сдержался. Подавил в себе желание послать.

– Дрючат, Игореха, всех.

– И не говори, Вадик. Что всех, то точно, – философски заметил Зобов.

– Ну, вот Аленку твою. Ее ведь тоже дрючат. А она молодец – держится. И сама молчит, и у других не спрашивает.

Про Аленку Вадик сказал наугад. В тот самый момент, когда Зобов делал глоток. И Зобов подавился. Лицо стало пунцовым, глаза увеличились. Половина кружки выплеснулась на ковротин. В душе Вадика лениво пробудилась жалость. Его ладонь несколько раз опустилась на хребет кашляющего товарища. Опустив голову на столешницу, безудержно хохотала Ирина.

– Вадик, ты мерзкий тип! – выпалил Зобов. – Если я узнаю, что ты дрючил... то есть спал с Аленой – ни тебе, ни ей не жить.

– Верю. Только мышцу перед смертоубийством подкачай. И подрасти сантиметров на десять.

Зобов промолчал. Резко повернувшись, быстро зашагал по коридору.

– Вадик... Вадик, я так давно не смеялась, – миниатюрным платочком Ирина утирала слезы. – Он же ее ко всем ревнует. Даже к Прокопьеву.

– А что с Прокопьевым?

– Генитальный цейтнот. Половой орган завис. Машка от него ушла. А ты бы заезжал почаще. Здесь столько новостей – закачаешься.

Ведение рубрики, посвященной дворникам, Вадима расстроило. Выход он придумал. Нужно писать в загон. За неделю можно сделать заметок десять. Если проявить рвение – пятнадцать. И на четыре месяца забыть о людях с метлой. Работать над статьями, интервью, рекламными байками.

Вадим начал обзванивать ЖЭКи. Некоторые начальники порыв не оценили. Приняв за розыгрыш, отослали матом. Те, кто открыто шел на разговор, жаловались на отсутствие дворников с «родословной». Рассказывали о проблеме алкоголизма, относя недуг к профессиональным. Предлагали сфотографировать среднеазиатских пилигримов. Но на интервью с ними рассчитывать было бесполезно.

За два дня Вадим сделал всего три репортажа. Один ушел в номер, два обеспечивали двухнедельную фору. Темпы не обнадеживали. Вадик вспомнил слова одного из начальников ЖЭКа: «Да бомжей бы нафотографировали... Вот вам и заметки о дворниках».

К бомжам Вадим относился с сочувствием. Считал их живым упрёком демократам. Брать на душу очередной грешок не хотелось. Идея появилась неожиданно. Купив бутылку самой дешевой водки, Вадик направился к одному из бывших собутыльников полковника Феофанова. Звали его Кирилл.

Столь обшарпанные двери Вадим видел только в общежитиях. Глазок оказался заклеен скотчем. Из-под краев топорщилась вата. Латунный номер квартиры «81» висел на одном

шурпуге, напоминая магический знак. Вадик нажал кнопку звонка. Через время послышались шаги, а затем сиплый голос:

– Кто?

– Это сосед ваш...

– Мы ночью не шумели.

– И я не шумел. Я вам бутылку водки принес.

Щелкнув цепочкой, Кирилл приоткрыл дверь. В просвете появился красный глаз и лохматая бровь, больше походящая на усы. Вадик с улыбкой вытянул бутылку.

– А-а-а... Писака херов. Клава рассказывала, как ты ее похоронил, – просипел хозяин, снимая цепочку.

– Дело прошлое. Раны Клавдии Семеновны зарубцевались.

– Ага, зарубцевались. Был бы жив друг мой Игореха, он бы тебе зарубцевал. Отлупцевал бы он тебя, вот... А чего пришел? Выпить не с кем?

– Я воздерживаюсь. А пришел по делу.

В квартире пахло зоопарком. Прихожую освещала тусклая лампочка без абажура. Из голенища валенка торчали удочки и сачок для ловли бабочек. Если бы не запах, жилище можно было бы принять за композицию художника, работающего в одном из альтернативных жанров. Кирилл проводил гостя в комнату. Секция, журнальный столик и телевизор создавали иллюзию гостиной. Свернувшись калачиком, на диване лежал мужчина. Услышав сопение, Вадик откинул дурные мысли и водрузил бутылку на стол. В кресле сидел третий обитатель квартиры. Оценив экстерьер троицы, Вадим понял, что, если снимки получатся, без фотошопа не обойтись.

– Это мои друзья, – Кирилл кивнул в сторону собутыльников. – Серега еще спит. Захар вот встал недавно.

– Очень приятно. А меня Вадим зовут. Времени, к сожалению, не так много. Поэтому объясню, зачем, собственно, и пожаловал. В нашей газете рубрика появилась. Посвящена она санитарам улиц, то есть дворникам. Но дворники должны быть с местной пропиской, стаж работы иметь. А сейчас, сами знаете, в основном таджики и туркмены улицы метут. В общем, к статье нужно фото.

– Ты уже Клаву нафотографировал, – усмехнулся Кирилл. – Да и чем мы лучше таджиков? Что у нас zenки с замочную скважину, что у них.

Не согласиться с Кириллом Вадик не мог. Такие физиономии хороши для рубрики «Горькая хроника».

– Выход всегда найти можно. Глаза спрятать за очками. Ну, или шапочку с козырьком надеть. Если договоримся, с меня бутылка «Агдама» в нагрузку.

– Вот это совсем другой разговор, – отозвался Захар.

Фотосессию Вадим решил провести у подъезда. Кирилл позировал в очках и шляпе «пирожок». Захару Вадим одолжил свою куртку и бейсболку. Прощаясь, заключили соглашение: за двух новых «дворников» Кирилл получает бутылку водки.

То, что Вадим совсем недавно ласково называл «жидким хлебом», перекочевало в разряд «отравы». За две недели Кирилл получил шесть бутылок пойла. Вадик мог спокойно работать. Он сделал два объемных интервью. Одно – с женщиной-штангисткой, второе – с инженером, поневоле ставшим водителем автобуса. Написал три заметки о жизни спальных районов. Байку о дедушке, приютившем полтергейст, решили на время отложить. В редакции Вадим появлялся чаще. Главред встречал с улыбкой, изредка хвалил перед коллегами.

Прошло два месяца, и Вадим снова попал в разряд благонадежных. На редакционных вечеринках ему наливали только сок. Перестали звонить товарищи по запоям. Он снова обрел популярность у читателей и женщин...

Морозным утром пятницы Вадик зашел в редакцию. У копировального аппарата стоял Зобов, что-то увлеченно рассказывая Ирине. Положив на стол девушки шоколадку, Вадим направился к главному. Александр Сергеевич увлеченно играл в игрушку «Lines». Появление Вадика заставило Стельнова сместить очки на лоб. Приветствие ограничилось кивком головы.

– Вадик, скажи мне... Скажи мне: кто это? – Сергеич протянул газету.

– Это? Тут же написано: клинер из двадцать четвертого ЖЭКа. То есть дворник из двадцать четвертого ЖЭКа. Зовут Афанасий Свиридов.

– М-да... Все тайное становится явным, Вадик. Гениальная и в то же время простая истина, которую ты продолжаешь игнорировать. – Злобы в голосе главного редактора не было. – Это не клинер, Вадик, и не дворник из двадцать четвертого ЖЭКа по имени Афанасий Свиридов. Это чудовище в тулупе – беглый алкоголик Иван Сапроненко.

– Как это беглый алкоголик? Я в принципе знаю, что не трезвенник. Но беглый... Из зоны бежал? – Вадим решил не ерничать и не отпираться.

– Нет, не из зоны. Из дому он бежал. Уже два месяца как. Обворовал родственницу жены из Клина и сбежал к забулдыгам. И если посмотреть на вещи трезво, что тебе в принципе последнее время удастся, то выходит, сотворил ты благо. Нашел совсем пропащего человека. Органы не нашли, а ты нашел. Следопыт, б-дь. Но можно посмотреть на вещи трезво и с другого ракурса. Люди шлют СМС. Они голосуют, тратят заработанные деньги. И на что они тратят заработанные деньги, Вадик? На что?

– На СМС... – пробурчал Вадим.

– На алкашей они тратят свои деньги! На мифических подметальщиков! И трое из них должны получить ценные призы: путевку в Турцию, телевизор и стиральную машину. А я же просил тебя: дворники должны быть живыми, а не «мертвыми»! А эти...

– Эти живее всех живых, Александр Сергеич. Их в кунсткамеру без колбы можно выставить. Они насквозь проспиртованы.

– Юморист... Рубрику я у тебя отбираю. Света Колчина вести будет. Подойдешь к ней и расскажешь, сколько было настоящих дворников, а сколько ты синюшников привлек. Чтобы они, не приведи господь, в финал не пробрались. Кстати... А сколько было настоящих, Вадик?

– Двое их было.

– Прямо как в подворотне. Вот и писать ты теперь будешь о подворотнях, – нараспев произнес Стельнов. – О подворотнях, разбоях, грабежах, убийствах... У Прокопьева проблемы со здоровьем, ему требуется операция.

– Не на мениске, случайно? А то мне уже делали...

– Не строй из себя дурачка, Вадик. Даже редакционная уборщица знает, что не на мениске. На время отсутствия Прокопьева возглавишь отдел криминала. То есть у тебя теперь, как у всех нормальных людей, рабочая пятидневка.

Известие, способное обрадовать многих, Вадима расстроило:

– Александр Сергеич, вы сами говорили, что я человек с тонкой организацией души. А там сплошная чернуха. Трупы, изнасилованные девственницы, обгоревшие тушки собак и кошек... Александр Сергеевич, я не ерничая. Но, честное слово, меня может вновь потянуть к алкогольной зависимости.

– А ты сделай все, чтобы тебя к ней не тянуло.

Пожав руку Стельнову, Вадим вышел из кабинета. Зобов стоял на том же месте. Он снова пил чай. Ирина с тоской в глазах смотрела на его неумелую жестикуляцию. Наклонившись, Вадик шепнул ей о своем назначении. Поцелуй оставил на щеке розовый след от помады.

Такси Вадим поймал быстро. Заняв место рядом с водителем, долго смотрел перед собой. По стенам домов разбегались разноцветные струи неона. Вдали мелькала вывеска ночного клуба «Ориноко».

– В «Галактику».

- Новый клуб?
- Наркологическая клиника на Миклухо-Маклая.

Розамунда

Если вам хоть раз удавалось дозвониться в утренний радиоэфир, не вспоминайте об этом с теплотой. Стоило умолкнуть вашему голосу, как гуру невидимых волн заключат, что на проводе был бездельник, задрот или дебил. И это еще не самые обидные ярлыки. Ведущие пред-рассветных часов недосыпают, лишены утреннего секса и невероятно тяжело переносят похмелье. Не будь цензуры, их диалоги, не попавшие в эфир, собирали бы более широкую аудиторию:

– Ну, что. Сейчас перебивка, а потом этого загламуренного голубка-Витаса ставлю.

– Да хоть Витаса, хоть Билана, хоть Моисеева... Все они – голубье и никчемные люди...

Одна Лолита – настоящий мужик.

Но вы слышите примерно следующее:

– А сейчас, уважаемые радиослушатели, для вас споет обладатель действительно уникального голоса, мечта многих и многих женщин. Итак, волшебные переливы Витаса на волнах нашего радио!

Люди звонят, участвуют в интерактивах. Для меня это слово так и осталось загадкой. И, кстати, если есть «интерактив», то почему нет «интерпассива»? В смену «Ангорских пересмешиков» Зигмунда и Ромы на волнах радио «РВС+» частенько звучал голос Розамунды. Розамунда – это не псевдоним благодарной слушательницы. Так опрометчиво нарекли девочку романтически настроенные родители. Они просто не замечали, как стремительно время. Первый раз Розамунда дозвонилась сразу после объявления о пропавшем волнистом попугайчике. На улице подморозило, влажность зашкаливала. Звонок хозяина птицы, скорее, был данью памяти.

– Зачем теплолюбивое пернатое покинуло домашний уют? – с грустью проговорил Зигмунд, выключив микрофон.

– Наверное, его били и выдергивали перья, – предположил Рома.

– Из жопы, – добавил редактор эфира Виктор.

В этот момент раздался звонок. Голос женщины был грудным. Говорила она с паузами. Выпив остатки «алкаельцера», Рома поморщился и тут же бодренько произнес:

– Представьтесь, пожалуйста.

– Розамунда... Меня зовут Розамунда.

– Какое редкое и, я бы сказал, эротичное имя!

– Меня называли в честь композиции Шуберта. Я рождена, чтобы порхать и дарить свет.

На этой фразе Рома с Зигмундом выразительно переглянулись.

– Так что там у нас с птичкой, о прекрасная незнакомка, порхающая в лучиках света?

– Сегодня утром я подошла к окну. Шапки сугробов, узкие тропинки, ведущие в небольшую рощу. Я отворила окно, чтобы впустить зиму!

Покрутив у виска указательным пальцем, в разговор вступил Зигмунд:

– С зимой вас, Розамунда! Но мы ищем не зиму. Мы ищем блудного попугая.

– Да, да... Конечно. Маленького волнистого попугайчика. Забавного шалунишку, выпорхнувшего из окна. Я видела его. Недалеко от моих окон растет красивая сосна. Он опустился на одну из ветвей дерева. И мне казалось, что он дрожал и молил о помощи.

– Но он вроде как не говорящий, – вставил Рома.

– Иногда достаточно взгляда...

– Ну у вас и зрение! А в каком районе вы живете, Розамунда?

– Все мы живем на Земле. А потом и в самой земле. Я живу на Красной Двине. И еще...

Мне очень нравятся вы, мои милые, озорные «Ангорские пересмешики».

– Должен вас огорчить, – еле сдерживая смех, сказал Рома, – но птичка пропала в Задвинье. Боюсь, до Двинки она долетела бы вряд ли. Не каждый волнистый попугай дотянет до середины Двины! Но все равно, спасибо за звонок!

– И вам спасибо. Спасибо, что вы есть!

Это был сигнал. Многие горожане с удовольствием бы нарушили траурный этикет, и при определенных обстоятельствах произнесли бы в адрес «пересмешников»: «Спасибо, что вас больше нет». Но Розамунде нравился юмор блиндажей и окопов. Через день она «достучалась» до студии, чтобы поиграть в игру-дебилку «Любимый шарик». Развлечение это придумал какой-то ленивый аферист без фантазии. Игроки старались угадать, на каком выдохе редактора программы, Вити, шарик закончит свой жизненный путь. Розамунда сказала, что выдохов будет четырнадцать. Витя дунул в микрофон ровно четырнадцать раз. Подмигнув Роме, ткнул иголкой в заранее надутую резинку. Счастливица выиграла латышский крендель с копченостями и скидочный купон в магазин пластиковых интимностей. После пятничного эфира машину Зигмунда остановили на выезде с офисной стоянки. Открыв дверь, охранник протянул увесистый пакет:

– Какая-то женщина забрала крендель с купоном и просила передать вам вот это.

В салоне «тойоты» запахло котлетами и борщом. Такую благодарность за свою работу «пересмешники» получили впервые. Эпистолы не по возрасту зрелых девочек с пожеланиями отжаться в прямом эфире, поделки учеников коррекционной школы, письма водителей троллейбусов с пожеланиями достичь высот Дроботенко, – все это было. Но провианта до Розамунды никто не слал.

Пакет Зигмунд разобрал уже дома. Судок с борщом, завернутые в фольгу паровые котлеты, баночки с пюре и компотом. На самом дне пакета покоился серебристый конверт с инициалами Р. К.

Розамунда просила отведать приготовленные ее руками блюда и восхваляла порядком надоевший горожанам дуэт «Ангорских пересмешников». На словах «талантливо» и «гениально» Зигмунд довольно улыбнулся. У него был тот этап творческого пути, когда самолюбие может потешить даже комплимент человека, лишённого вкуса. Пакет Зигмунд отдал алкашусоседу. Непросыхающий индивид поинтересовался, можно ли ждать продолжения гуманитарной помощи.

Утром следующего дня Розамунде вновь удалось сделать то, что на протяжении долгого времени не удастся сделать многим. Она с легкостью пробилась в эфир. «Пересмешники» устроили интерактивный опрос. Слушатель должен был красочно описать свою одежду. Картавый мальчик пытался рассказать о пуховике и джинсах. Его беспардонно отослали к логопеду. Девушка в ботфортах и норковом полушубке просила об экскурсии по радиостанции. Ее поблагодарили в момент, когда речь уже шла о стрингах с кристаллами от Сваровски. Пьяного товарища из сауны прервали на полуслове. Он рассказывал о полотенце в полосочку. Вот за ним и настала очередь Розамунды.

– Как вам понравились мой борщ и котлетки? – с задором произнесла женщина. Рома удивленно посмотрел на Зигмунда.

– Великолечно, Розамунда! Рома до сих пор облизывается, как кот в период вязания... То есть вязки, – нашелся последний. – Вы дадите фору любому ресторану нашего города! Так в чем же вы сейчас, наша самая активная радиослушательница?

– Я в ванной...

– Вы не одни, Розамунда? – перебил Рома.

– Конечно же, не одна. Я с вами, мои озорники.

На этих словах Виктор схватил со стола сигарету и, прошепев: «Ну вот и виртуальный double penetration!», выскочил из студии.

– Продолжайте, продолжайте, Розамунда, – подбодрил даму Роман.

– На мне розовый прозрачный пеньюар. Я лежу, вытянув ножки, и смотрю на волшебные пузырьки пены.

– Вы что, прямо в пеньюаре в ванной лежите? – изумился Зигмунд.

– Ну, конечно! Он облегает мокрое тело... Он стал прозрачен... И поверьте мне, я выгляжу очень эротично.

– Кто бы сомневался?! Влажная Розамунда, простите за каламбурчик... Влажная Розамунда в пенном пеньюаре.

Рома чуть не поперхнулся «Актимелем». Кофе и чай он не употреблял. Начитался о вреде танина и кофеина. В зависимости от самочувствия, по утрам пил «алказельцер» или «Актимель». Всерьез увлекался йогой и чечеткой.

– Жаль, мы не имеем возможности наблюдать вас, восхитительная наядя! Жаль, мы не видим эти плавные изгибы тела и можем надеяться только на нашу безудержную фантазию. Вы мечта фотографов и поэтов, Розамунда!

– Я полагаю, победитель сегодняшнего дня определен, – вступил Зигмунд. – Розамунда, какую песню вы бы хотели услышать в честь вашей победы? Вашей и вашего розового пеньюара.

– Эталоном мужчины для меня является Меладзе, мои пересмешнички. И я бы хотела...

– Вы бы хотели услышать песню про ту, что вся внутри соленая! – вновь перебил Рома. – Я угадал, наша балтийская тропикана-женщина Розамунда? Будем слушать про всю внутри соленую?

– Не угадали! Я бы хотела послушать про девушек из высшего общества.

Зигмунд объявил, что для обладательницы влажного розового пеньюара споет грузинский скальд Валерий Меладзе. Розамунда рассыпалась в благодарностях и обещала звонить еще. Появление таких персонажей спасало «пересмешников». На их шутки не реагировали даже поклонники Петросяна и Дроботенко. А вот выпуск в эфир людей, ищущих компромисс с собственным мозгом, пользовался успехом. Все как с городскими сумасшедшими: у кого-то они вызывают смех, а у кого-то – сожаление. До Розамунды был Игорек. Он так и представлялся – Игорек. Любил рассказывать о снах. Нормальный человек после недели таких сновидений упросил бы Господа о скорейшем финале, а Игорек рассказывал о них со смехом. Он частенько появлялся в еще одной идиотской игре «Синоптик-всезнайка». Звонки начинали принимать в восемь утра. Рома с Зигмундом поочередно интересовались: «Так сколько же, по-вашему, будет на термометре ровно в одиннадцать ноль-ноль?» Люди называли числа с точностью до десятой. Термометра за окном студии не было. Дозвонившись, Игорек бредил. Один раз сказал, что его бабка преставилась именно в одиннадцать утра с температурой тела сорок девять градусов по Фаренгейту. Жаловался на ртутные градусники, которые нужно использовать ректально.

Конкурс Игорька и сгубил. «Пересмешники» решили поиграть в рифму. Нужно было закончить двестише. Рома громко зачитал строки:

– На горе стоит Акакий под луною голубой... Ваши варианты, пииты!

Игорек дозвонился первым. Поздравил с надвигающимся Днем десантника и резво выпалил:

На горе стоит Акакий
Под луною голубой.
В зад его дерут макаки,
И доволен он собой.

Один из особо внимательных радиослушателей нажаловался в Национальный совет по телевидению и радиовещанию. Написал о погранных основах толерантности, сетовал на посто-

янные унижения гомосексуалистов. На письмоотреагировали. В адрес радиостанции пришло предупреждение. Цепная реакция задела Игорька. Больше его в эфир не выпускали. Говорят, потом его голос слышали на другой частоте. Все те же рассказы о кошмарах, которые он относил к обычным сновидениям.

На время Розамунда исчезла. Затихла подобно одноименной композиции Шуберта. Лопались шарики, полз столбик мифического термометра. «Ангорские пересмешники» продолжали хохотать над своими шутками. В сетке вещания появилась еще одна передача. Над названием долго не думали, слямзили у одного из российских телевизионных каналов. Токшоу называлось «Глас народа». Динамики рвало от криков борцов за социальную справедливость. Древняя старушка обещала повеситься, если мэрия не возьмется за уничтожение бродячих котов и собак. Вешаться ее отговорили. Завуалированно посоветовали утопиться. Юный скаут прокричал на всю Ригу, что Ивар Смирновс из седьмого «Б» занимается онанизмом в кабинете биологии. У мальчика спросили, как его фамилия, и в прямом эфире посоветовали Ивару Смирновсу отучить одноклассника Игоря Берззиньша от стукачества и пожелали успехов в тренировке кистевых суставов.

В один из таких эфиров дозвонилась и Розамунда. После долгих расшаркиваний Зигмунд попросил женщину рубануть правду-матку.

– Я расскажу о нашем соседе Улдисе. Мы с мамой живем в коммунальной квартире.

– А сколько маме лет? – поинтересовался Рома.

– Маме семьдесят два года. А что?

– Да ничего в принципе... Привет маме передайте. Привет и спасибо за такую сознательную и активную дочь. Продолжайте, Розамунда.

– Мы с мамой купаемся раз в три дня.

Зигмунд закрыл рот ладонью. Сморщившись, махнул пятерней у кончика носа:

– Правильно, Розамунда! Женщина должна пахнуть!

– Чем?

– Собой, конечно. Никакие парфюмы не заменят природного запаха женщины. Мой партнер Роман выбирает женщин именно по запаху.

Зигмунд ушел в очередной зигзаг пошлости. Но он знал, что жена Ромы радио не слушает. Розамунда продолжила:

– Мы с мамой, как я уже говорила, моемся раз в три дня. Но вот что я заметила. Так как у нас совмещенный санузел, то посещаем мы его не только на предмет купания...

– В розовых пеньюарах, – перебил Рома.

– Роман, дайте мне досказать, пожалуйста. Так вот. Иногда, сидя... То есть иногда, заходя в ванную, я замечаю, что наш кусок мыла поблескивает от влаги и в те дни, когда мы с мамой не моемся. А так как кроме соседа Улдиса в нашей коммуналке никто не живет, то ответ на вопрос лежит на поверхности. Нашим мылом пользуется Улдис. А мы с мамой очень брезгливые. Я это к чему – Улдис человек выпивающий. Иногда водит к себе женщин легкого поведения. И страшно подумать, что они, как и Улдис, тоже куском этого мыла моют свои... Ну, вы понимаете, что я хочу сказать. Представляете, если мы с мамой заразимся каким-нибудь венерическим заболеванием? Мама этого вообще может не перенести. И не только в физическом, но и в моральном плане. Вот, собственно, все, что я хотела вам рассказать.

Первым отойти от приступа смеха удалось Зигмунду. По его голосу и не сказать было, что мгновение назад этот человек хохотал в выключенный микрофон, сложившись вдвое.

– Розамунда! Имя! Имя, сестра!

– Я же сказала – Улдис.

– А фамилия любителя горячительного и доступных женских телес?

– Круминыш. Улдис Круминыш. Слесарем на фирме «Астроник» работает.

– Улдис Круминыш! Слесарь с фирмы «Астроник»! Мы обращаемся к вам. Прекратите воровать мыло у великолепной Розамунды и ее не менее великолепной мамы! Купите мыльце с отдушкой ландыша и порауйте им свои интимности и интимности курсирующих к вам женщин! Занавес, Розамунда! Вы, как всегда, были лучшей.

Сразу после передачи раздался звонок из представительства парфюмерной компании. За незабываемый рассказ хозяин решил презентовать Розамунде коробку французского мыла. Зигмунд перезвонил женщине, поздравил с сюрпризом и предложил забрать подарок в конце недели. Розамунда за коробкой не заехала. Не появилась она и еще через семь дней. Во время одного из выходов Рома вспомнил о пропавшей. Сказал, что уже две недели на волнах радио не звучит голос одной из самых колоритных радиослушательниц, и решил дозвониться до нее в прямом эфире.

– Куда вы пропали, о прекрасная Розамунда?! – воскликнул Рома, услышав короткое «алло».

– Я в больнице.

– Как – в больнице?.. Простите, а что стряслось? Чем мы можем помочь?

– Все произошло после моего рассказа об Улдисе Круминыше. Оказывается, на его фирме тоже слушают вашу станцию. И передачу, где я про мыло говорила, тоже слушали. Вечером Улдис пришел домой в подпитии. Обзывал нас с мамой суками. А потом взял и заколотил двери в наши комнаты. Мы в полицию позвонили, они обещали приехать, но сильно задерживались. Мама нервничать стала. Тогда я решила на простыне со второго этажа спуститься, чтобы доски с дверей отодрать. Когда до земли совсем немного оставалось, простыня треснула и порвалась. В итоге перелом ноги и сильный ушиб копчика.

...В салоне «тойоты» пахло бульоном и телячьими отбивными. Рома укладывал в багажник коробку с мылом.

– Стареем, мой друг Зигмундо! Стареем и добреем... Раньше фестивалили с благодарными слушательницами, молодыми и на все готовыми. А теперь вот отчаливаем в больницу к пожилой женщине, пострадавшей за правду.

– И за твой длинный язык.

Мечта пилигрима

Арин подошел к Милькову и сказал, что на пересечении Казармас и Миера трамвай столкнулся с фурой. Живописал, как погибала юная латышская вагоновожатая, два мальчика-близнеца с бабушкой и контролер. Милькову стало дурно. До прихода в журналистику он тренировал кисти рук троллейбусным рулем диаметром с баскетбольную корзину. С обожанием относился ко всему, что передвигается по рельсам и проводам. В один из поворотов Мильков троллейбус не вписался. Огромными бенгальскими огнями заискрились штанги. Кто-то не удержался за поручень. Мильков на манер дуэлянта натянул промасленные и заплеванные краги. Под звуки автомобильных клаксонов походкой тореро направился чинить неисправность... Дальнейшее память в травмированных полушариях Милькова не сохранила. Пассажиры переключались в свидетели, троллейбус – в ремзону. Беспощадный колющий удар электричества убил в Милькове ударника трамвайно-троллейбусного парка. Человека убить не посмел. И через время в реанимации ожил немного странноватый журналист, заполняющий рубрику «город». Его статьи были об изношенных рельсах, новых компостерах и гибнущей городской канализации.

– Арин! Коллега Арин! Скажите, а как, как попала фура на перекресток Казармас и Миера?.. Какая нелепость! Черная метка судьбы... Именно черная метка судьбы! Там же элементарно нет места для маневра!.. Что с остальными? Где остальные несчастные пассажиры? – запивая таблетку, вопрошал Мильков.

– В манде остальные несчастные пассажиры! В манде, коллега Мильков!.. А фура попала туда по воздуху. Вместе с танками и тяжелой артиллерией. Херня война, у фуры были маневры... Вадик, первое апреля, мутила! Накатишь с нами за День дурака?..

Милькову стало еще хуже. Он перекатил игрушечную модель троллейбуса подальше от клавиатуры, потер желтые виски и сел дописывать материал «Рига – город пробок»...

Дима Мовчан поведал Лене Тихоновой, что в Интернете появились ее интимные фото, которые скинул на один из порносайтов бывший ухажер Толик. Лена стала пунцовой. Настойчиво требовала адрес портала. Значит, все же было... Дима сказал, что адрес портала – три дабл ю, первое апреля, точка лв. Потом кричал, что Тихонова похотливая сучка, отмывая от кофейной гущи папки с фотографиями и набросками...

Эдику Гасину прислали электронную похоронку. Короткая, в хорошем тревожном ритме: «Эдик крепись. В Ашдоде умерла бабушка. Похороны завтра. Ждем». Пока Эдик пытался

дозвониться до Ашдода, пришло некрологическое опровержение: «Эдик не крепись. Бабушка передумала. Ест мацу и смотрит „Санта-Барбару“. С первым апреля!» Не угадали. Гасин поначалу возрадовался. Узнав о розыгрыше, сник. Бабушка жила лучше Эдика, но не делилась...

На доске объявлений выплывали приглашения на мероприятия, которые игнорируют даже наивные обыватели и активные дураки. Конкурс детского рисунка «Латвия – земля трудолюбивых людей», семинар «Русская журналистика в Германии» с ведущими Глинкманом и Меером, выставка молодых скульпторов из Норвегии. Скандинавская тоска, обломки скалистых фьордов с латунными табличками на подставках.

Я споро набрал текст:

«Латвийско-шведский туроператор „Londberg Skanska Pekaanyka BV“ выходит на рынок Прибалтики и предлагает увлекательнейший презентационный тур „Мечта пилигрима“ для представителей СМИ, по маршруту: Рига – Таллин – Стокгольм – Пловдив – Вена – Прага – Барселона – Рим – Стамбул – Йончепинг – Рига; 14 дней на комфортабельном трехпалубном пароме. Варьете „Tropicana Wild Girls“ и джазовый квартет „8th Avenue“. Цена презентационной путевки: 139 долларов США, или 81 лат по курсу банка Латвии. Восьмиразовое питание и спиртные напитки входят в стоимость. Владельцам флайеров вход на дискотеку бесплатный. Деньги сдавать в редакторат до 19.00».

Первыми к доске подошла чета Ривкиных. На субтильном и чересчур маленьком Авике висел костюм из отдела верхней одежды для подростков. Редкие усики к «двойке» не шли. Красный галстук с масляным пятном и эмблемой «Манчестер Юнайтед» напоминал пионерский. Вера была в белых носочках и босоножках цвета пожухлой листвы. Авик писал о политике, Вера, как правило, ни о чем. Зарисовки о глади прудов и гнездовых чаек. Еще сочиняла крики редакционной души из рубрик «память» и «от нас ушел(а)». Газета часто оживленно обсуждала, переходят ли они друг с другом на «ты», занимаясь сексом?

Первый фальцетом закартавил Авик. Вместо буквы «р» он выговаривал «у». Вера водила картавящую половинку к известному логопеду. Эскулап сломался на третьем сеансе.

– Милая, как вам сегодняшняя каутошка? Мне кажется, они ее жауют на пуосуоченном масле.

– У меня уже страшная изжога, милый. Скорей бы домой. Там бы я нормально накормила своего котика. А вас не тошнит? Если тошнит, лучше освободите желудок.

Летом Игорь Стеблин жил на одной даче с Ривкиными. Для хозяина дачи, алкаша во втором поколении, летняя Юрмала превращалась в Эдем. В месяц он получал с четырех квартирующих семей около двух тысяч баксов. На всех одна кухня, один туалет и одно желание – подольше находиться на берегу моря. Игорь рассказывал, что Вера готовит исключительно замороженные польские корнеплоды. Вываливает их на сковороду, щедро добавляет кетчуп. Сразу после трапезы Авик покорно отправляется в сортир. На двери заведения – гостиничная картонка. Когда туалет занят, картонка повернута в коридор красной стороной с надписью: «DO NOT DISTURB». За любовь подолгу сливаться жопой с пластмассовым кругом курортники дали Авiku кличку Дистурбант.

– Котик, мне кажется, что очень интересное предложение. Круиз, действительно, увлекательнейший. Две сказочных недели. Мы лежим на палубе в полосатых шезлонгах, вдали парят чайки, гарсоны разносят коктейли...

– Но не кажется ли вам завышенной цена? Не слишком ли доуого? Стоимость хоуошей кухонной вытяжки. Если считать на двоих.

– Ну что вы? Где же это дорого? Кормят восемь раз в день! Где вас будут кормить восемь раз в день за сто тридцать девять долларов на протяжении двух недель?.. Аня была в Турции.

Кормили всего три раза, и она мучилась жидким стулом. А это шведы, совсем другой уровень кулинарии. И ваш любимый виски совершенно бесплатно. Варьете, дискотека! Даже не стоит думать. Вытяжку подарят Симовичи с Типловыми на мой день рождения. Я уже им заказала.

Авик пошел снимать деньги с карточки. Так же покорно, как отправлялся в нужник. Я сделал вид, что изучаю предложение. Подошел Стасик Клевецкий. Перечитал объявление раза три. Один раз вслух.

– Охереть! Красиво на рынок заявляются! Помню, так же литовцы заходили с йогуртами. Я их месяц на халяву жрал.

– Они же скиают быстро, – говорю.

– А я у них партиями забирал. И всего-то за две байки о том, какие у них йогурты вкусные и питательные. Ну ты-то едешь? Тропикана Уайлд! Четырнадцать уайлдовых дней. Бухло, чемоданы халявной пайки, упругие сиськи и задницы танцовщиц и наших коллег из конкурирующих газет.

– А экскурсии?

– Да брось, Майкл! Мне на Крите попался такой нудный гид. Натурально: не критянин, а кретин! Я запил после второго похода. В общем, я еду! Вернее, иду! Едут паровозы, плывет дерьмо, а я иду в круиз. Иду и тебе советую.

Клевецкий исчез за дверьми редактората. Появился быстро. Я был уверен, что его пошлют, а он улыбался. Снял объявление, снова двинул к главному. Вышел, довольно потирая руки, объявление прикрепил на прежнее место.

К доске потянулись желающие отдохнуть. Ира сказала, что похоже на первоапрельский развод – влияние работы в отделе социума. Она даже своему пекинесу не верит, что он ей друг. Гасин кричал, что не зря всю жизнь болел за «Тре Крунур». Кто-то заметил, что девять портов за четырнадцать дней – чересчур много. Я пошел дописывать материал...

Оставалось добить пару абзацев и найти в А. Ф. I. фотографию Рубенса Барикелло. Вместо Рубенса появился главный. По-доброму спросил:

– Майкл, твоя работа с туром мечты пилигрима?

Я утвердительно кивнул.

– Зайди в кабинет.

– Полосу сдавать надо.

– Сдашь. Одну уже сдал. Я это про шведского туроператора. И вторую сдашь.

Из-за жалюзи виднелась этикетка «Столичной». Динамики засахаривались патокой Сюткина. Главный налил. Рюмка была маленькой и подлой. Из таких быстрее набираешь кондицию.

– Ну давай, Майкл! За тур!

Закусывать пришлось карамелью.

– Нет, ну это просто, б-дь, просто не знаю, как и назвать это! Заходит Клевецкий. Так, мол, и так, викинги зовут в круиз, и я пришел сдать деньги. Какой круиз – спрашиваю, какие, б-дь, викинги, какие деньги? Он приносит объявление. Я ему вопрос: у тебя как вообще с географией, Стасик? Отвечает, что чуть ли не в олимпиаде участвовал, до сих пор глубину Марианской впадины помнит. Ну, б-дь, говорю, тогда сдавай деньги... За ним – этот, карликовый гений. Я байку Авика битый час правил, убить был готов. И он наличность протягивает. Мол, хотели с женой купить вытяжку и холодильник, но решили пополнить кругозор, мир посмотреть. Я его тоже про географию спрашиваю. А он говорит, мол, все в норме, мол, сориентируемся... За Ривкиным Илонка Споле прибежала. И давай трещать. Сто сорок баксов – не деньги, я за эти сто сорок баксов, может, жениха найду, для которого и сто сорок тысяч карманные расходы. Ну... а если не найду буратину, то здоровье точно подправлю... Ты не микрофонь, Майкл, я вторую налил.

Вторая карамелька намертво прилипла к нёбу. Опрокинув, главный продолжил, указывая на стопку купюр:

– Знаешь, сколько здесь? Здесь семьсот тридцать лат. Лат сдачи я Авику должен. Хотя нет... Авику я должен больше... То есть деньги сдали девять человек! Де-вять!

Говорил Викторыч долго. О том, что в журналистике много мужчин-фельдшеров, слабоудовлетворенных женщин с желанием отомстить Вселенной и тех, кто просто хочет каждый день видеть в газете свою фамилию... На шестой рюмке мне расхотелось искать в А. Ф. I. фото Рубенса Барикелло. В архиве есть портрет Фелиппе Массы. Пусть знатоки Формулы повозмущаются.

Дверь кабинета распахнулась. На пороге стоял улыбающийся директор нашего издательского дома Костров. Человек малообразованный, но хваткий. Жестами Спаредини мы синхронно накрыли рюмки ладонями. Костров протянул свое коронное «ну», поздоровался.

– Викторыч, ну молодцы наши рекламщики! Что говорится, бдят! Я про круиз. И ребятам такой подарок сказочный. Это ведь смешные деньги. Как сейчас модно говорить, корпоративно отдохнем. Я подумал и решил, что тоже со своей махну!

Я так и вышел из кабинета. С большими глазами и маленькой рюмкой в руке. Объявление с доски снял. Через некоторое время прикрепил уже новое:

«В связи со скоропостижной кончиной основателя компании – туроператора „Londberg Skanska Pekaanyška BV“, Магнуса Седерстрема, презентационный тур для представителей СМИ „Мечта пилигрима“ переносится на более поздние сроки. Деньги, внесенные за поездку, можно получить в редакторате».

Шаурма с белугой

«Солнце мучилось. Оно нехотя выглядывало из-за бледно-серых облаков, а потом лениво уползло за них...»

Так пошленько я хотел начать третью главу романа. Меня спас Саша Фильбаум, человек невысокого роста, с поразительно красивыми чертами лица. Большие зеленые глаза, тонкий нос с небольшой горбинкой, идеальные штрихи губ. Все портила шея. Она была похожа на заводскую трубу. Длинная, сужающаяся к подбородку. Саша не звонил мне лет пять. Не виделись мы и того больше. Хотя нет. Изображение Саши я часто встречал в цвете журнального глянца: «Предприниматель Александр Фильбаум на открытии модного ресторана... Александр Фильбаум играет в гольф со своей новой спутницей Инарой... Александр Фильбаум подарил еврейской школе два ноутбука и фургончик мацы». Последний заголовок, который довелось видеть, из общей колеи выбивался: «Обвал на рынке недвижимости не пощадил бизнес Александра Фильбаума».

Саша построил три высотки с тесными лифтами и плохой канализацией. Заселить получилось только один дом, да и то только на две трети. Жильцы Сашу проклинали. Интервал между приездами лифтов больше подходил для общественного транспорта. Дно шведских унитазов часто напоминало пенистую шапку кофейной кружки. Вооружившись ершиками, жильцы выполняли роль фекальных бариста.

Метр жилья от Саши стоил как на элитном кладбище Монако. Ударил в литавры кризис, элитные клетушки перестали покупать. Но по ночам в оконцах пустующих домов зажигались огни. Это сторож, нареченный Бэрримором, создавал иллюзию обитаемости.

К Саше выстроились очереди. В одной толкались кредиторы, с договорами и не самыми добрыми намерениями. Большинство хотело вернуть деньги. Кто-то имел желание отправить Сашу на еврейское кладбище. Были и страждущие совместить. В другой змейке мялись мастера завуалированного под сочувствие злорадства. Вскоре Интернет рассарафанил новость: «В Александра Фильбаума стрелял неизвестный». На Робин Гуде сэкономили. Спортивные комментаторы в таких случаях восклицают: «Из этой позиции было легче попасть, чем промахнуться». Нет, что-то, конечно, в Сашу залетело, но организм скорее закалился, чем пострадал. Жил Саша за городом, в огромном доме на берегу озера. Трубка заскрежетала кашлем.

– Тема, – зашелся в приступе Саша. – Нет, ну разве это сигареты, сука?! Это сейчас «Винстон» такой, Тема. Раньше я запах «Винстона» или «Кэмела» за три квартала от смолящего чуял. Ладно, сука, вместо табака пихают бумагу. Так они, падлы, по-моему, и ногти туда крошат. Ногти негров, сука, крошат. Ты куришь, Тема?

– Нет. Теперь только пью.

– Правильно. Это меньшее из зол: пойло и бабы. Правда, у меня стоит ныне через раз. А у тебя?

– А у меня кошка вчера сдохла.

– Мои соболезнования. Я давно зарекся кошек заводить. И четвероногих и двуногих. Жрут и гадят. Одни в лоток, другие в душу. Сука... Это не сигареты, Тема! Это убийство.

Кашлял Саша через каждые два слова. Я закрыл глаза. Мне представился длинный коридор с нервно мерцающими лампами. Вдоль стен выстроились колченогие стулья с изрезанными дерматиновыми спинками. На них корчились туберкулезники. Они пучили глаза, становясь похожими на рыбу-телескоп. Они хватались за окровавленные платки, протыкали пальцами воздух и старались удивить друг друга безумными взглядами. Парочка доходяг грохнулась со стульев и замерла. Тут же появился врач. Это был высокий мужчина с чертами лица, напоминающими плохо застывший бетон. Носком ботинка он перевернул одного из упавших и проорал: «Санитары, забирайте!»

– Ты чего замолчал, Тема?

– Бросай курить, Саша.

– Это ты к чему?

– Туберкулез, – говорю. – Люди мрут в коридорах клиник. Они харкают кровью...

– Так, все! Давай к делу, Тема. Короче: мне нужно, чтобы ты взял у меня интервью.

– Интервью? Саш, без обид, но ты ведь хуже, чем Влад Сташевский.

– Неважно, – Саша выдержал паузу. – И чего это ты Влада Сташевского откопал?

– Он сбитый и погребенный летчик. Помнишь, как ты кричал в кабацкий микрофон: «А сейчас для Анжелы и Риты звучит Влад Сташевский». Все проститутки Юрмалы любили тебя и Влада Сташевского.

– Тебе тоже кое-что напомнить?

– Например?

– Восьмое марта в «Ориенте».

– Не надо.

Вечер, упомянутый Сашей, был неудачным: перелом руки, ночь, проведенная в полиции.

- Возьми у меня интервью, Тема, – не унимался Саша.
- Ты никому не интересен.
- Интересен, – Саша вновь закашлялся. – Еще как интересен. И тебе, сука, в первую очередь. Я готов слить все нарушения, все серые схемы по застройке комплекса «Селия».
- И какой тебе в этом прок?
- Все при встрече.
- Допустим, я соглашусь...
- Ты уже согласился. Тема, и одна просьба, раз уж поедешь. Напротив вокзала какой-то араб, очень похожий на дедушку Киры Шмейхель, открыл кафе с шаурмой. Будь другом, возьми парочку порций шаурмы и пузырь «Белуги».
- Может, тебе и дорогих проституток привезти, Саш?
- Нет, проституток мы с тобой как-нибудь потом закажем. А денежку я тебе сразу отдам – не волнуйся. Тема, ну мне реально влом из этой деревни выезжать сегодня.

Торгующий шаурмой привокзальный бедуин и вправду был похож на дедушку Киры. Черные глаза, вопрошающий взгляд, сухие, истрескавшиеся губы, руки во вздувшихся венах. На ушах старика густо кустились седые волосы. Судя по всему, он их не брил специально. Когда дедок заворачивал в фольгу вторую шаурму, я решил отдать свою порцию Саше. Вдруг в питу, подобно парашютистам, приземлились несколько волосинок?

Я вызвал такси и набрал Петю Моршанова. Обвал цен на недвижимость, серые схемы, обманутые пайщики... Он такие темы любит. И Петя платит. Вообще-то, все издатели платят отвратительно. Но Петя раз в неделю посещает церковь. Стоя перед образами, он уходит в себя и просит прощения у Господа. В ответ раздастся плывущий эхом голос: «Не будь столь скупой тварью Божьей, Петр, и тебе зачтется». И Петя верит, что действительно зачтется, немного выигрывая по гонорарам у конкурентов. Начал я издавать. У Пети растет дочка Регина. Девочке тринадцать лет. Она толстая, неуклюжая, но добрая. Регина играет на фортепиано, поражая своей бездарностью даже самых слабых преподавателей в городе. Но Петя верит в чудо. Отправляет ребенка на конкурсы, не понимая, что всю оставшуюся жизнь ей придется залечивать психологические травмы. Минут пять мы говорили об «успехах» Регины. Затем я перешел к делу:

- Петя, тебе интересны схемы гешефтов по застройке «Селии»?
- Они всем интересны. А откуда инфы?
- Скажем так: от человека, которому можно верить.
- То есть от конкурента «Селии»?
- Нет, – ответил я.
- Просто несколько дней назад звонил Марк Громадский. Кричал в трубку, что будет нейтронный материал по тендеру на комплекс «Поларис». Оказалось, его развел Саша Фильбаум.
- В смысле, как развел? – Во рту стало сухо.
- Пообещал разоблачительное интервью. Типа, все пидорасы, а я должен сказать людям правду. Пригласил Марка к себе. И как бы невзначай попросил привезти четыре вязанки дров для камина и пару пузырей водки. Мол, нога сломана – тяжело из дома выбираться.
- Деньги за дрова и водку отдал? – Теперь этот вопрос меня интересовал больше, чем схемы «Селии».
- Отдал половину. А до Марка он так же Женю Тимьянек поимел.
- Кто такой Женя Тимьянек?
- Не такой, а такая. Писунья-многостаночница. Кулинарный критик, а по совместительству светский хроникер. – Петю было не остановить. – Раньше кабаки ей за обзоры платили. А

сейчас, бедолага, за еду пишет. Давится и пишет. Так вот. Саша обещал Жене рассказать про нового любовника певца Камиля.

– И этот тоже?

– А ты думал! Живет с советником министра культуры, Янисом Лейте.

– Это с тем, что драл Петериса Табунса?

– Именно. Ну вот. Короче, Фильбаум попросил Женю Тимьянек привезти пузырь водки.

В итоге и шнапс приговорил до капли, и Женю загнул во всех извращенных и неизвращенных формах.

– Мне сказал, что у него стоит через раз.

– Врет. Все врёт. Но я думаю, у него единственного в этом городе на Женю и встал. Говорят, мол, столько водки не бывает. Столько «Виагры» не бывает, Тема.

– То есть у девушки была успешная творческая командировка... Лады, бывай, Петь.

– Что-то у тебя с голосом, Тема. Ты не пропадай. Мне про «Селию» очень даже интересно.

Одну шаурму я отдал дежурившему в переходе бродяге. Он был в грязном джинсовом костюме и кроссовках «Адидас». Точно такие же мне подарили в год московской Олимпиады. Только у меня кроссовки были синие, а на обросшем мужичке – красные. Откуда они у него? Может, отдал кто, а может, купил за копейки на «блошке».

Второй цилиндр в фольге с благодарностями приняла худощавая бабулька. Поинтересовалась, что внутри, спросила, почему не съем пирожок сам. Я уже писал, почему. Может, там седые волосы древнего араба.

Мимо скамейки прошла мамаша с розовой коляской. Я отпил первый глоток и улыбнулся вослед. Все же в садово-парковом алкоголизме есть своя прелесть: свежий воздух, новые лица, пение птиц. Телефон зазвонил на третьем глотке.

– Тема, я весь изъерзался в ожидании. – Теперь Сашин кашель меня раздражал. – Ты где, старик?

– Скоро буду, Саш. Еще чуток терпения.

– Не вопрос, старина, не вопрос, – Саша вновь принялся харкать в трубку.

– Может, сигарет подвезти? – проявил я заботу.

– Если несложно, возьми пару пачек синего «Винстона». И заранее благодарю, Темочка.

Следующий звонок раздался на экваторе бутылки.

– Тема, ну куда ты запропастился? – Саша казался сердитым.

– В дороге, Сань. За сигаретами заезжал.

– Я тебя понял. Жду, жду, дорогой. Интервью будет – просто охереешь.

– Верю, Санек.

Через полчаса Саша был уверен, что я с детства обязан возить ему шаурму с «Белугой».

– Тема, ну что за херня? Ты где, Тема? – хрипел в телефон Александр.

– В мыслях, Саш.

– В мыслях?! Ты не в такси, а в мыслях?

– Ага. Скажи мне, Саша... а она красивая?

– Кто она, блядь?!

– Женя Тимьянек. Журналистка, на которую у тебя встал. Тебе было с ней хорошо?

Саша взял паузу. Она была затянутой, но он не играл:

– Хорошо мне было бы с шаурмой и водкой, Тема. А с Женей... с ней так же херово, как и с тобой. Какая же ты сука, Тема...

Трубка замолчала. Больше Саша не звонил. Но стоит мне подойти к небольшому кафе, в котором продают восточный фастфуд, как я сразу вспоминаю шаурму с «Белугой».

Хризантемы

Я покупаю семь пышных фиолетовых цветков. Завтра подарю Свете. В эфире заиграет The Best от Тины Тернер, и появлюсь я с хризантемами. В белой льняной рубашке, синих льняных брюках и мокасынах голубой замши. Будет сюрприз. Света растрогается, скажет, как тяжело уходить с радиостанции на телевидение, и поцелует меня в щеку. Признается в любви к тем, для кого работала два этих года, и низко поклонится коллегам. Слушательница Вера Павловна из Люблино увлажнит дряблые щеки. Физик Вадим из Питера прокартавит, что трудно будет прожить без переливов Светинога смеха. Наверняка эта парочка пробьется в эфир. Идиотам это удастся много чаще нормальных. Да и где они, эти нормальные?..

Обязательно пришлет несколько СМС Аслан. Он пишет одно и то же. О том, как счастлив слышать голос моей соведущей. О том, как часто рассматривает ее фото. По надрыву чувствуется – онанирует. Аслана легко узнать и без подписи. У него не бывает слов без ошибок.

О выщербины асфальта ударились первые капли дождя. Светофор на переходе мигнул зеленым. Откуда-то слева донесся неприятный скрежет, а сразу за ним собачий лай. Посередине дороги сидел грузный мужчина в белой майке-алкоголичке, клетчатых шортах и бассейновых тапочках. Рядом трясся испуганный джек-рассел. Кинологическая романтика. Выйти пьяным и полураздетым, чтобы выгулять любимого пса. Чуть поодаль лежал на боку мотоцикл

класса «турист». С огромными багажниками и мощными колонками, раздающими риффы ZZ TOP. Мотоциклист – на вид чуть больше пятидесяти – отряхивал джинсы, тер бока своего вишневого красавца и повторял «ептыть». Хозяин джек-рассела тоже повторял «ептыть». Захотелось вручить фиолетовые хризантемы байкеру. Алкоголик с четвероногим другом решил перебежать дорогу, где этого делать нельзя. Глаза алкоголика были залиты не только дождем – мотоцикла он не увидел. Завтра в эфире расскажу, как у ворот Ботанического сада Безумный Макс чудом спас жизнь Афоне и Майло.

Эфир получился комканным и скучным. Таким же безликим и серым, как бумага-промокашка. Купив тетрадь, мы промокашку сразу же выбрасывали. И этот эфир можно было точно так же выбросить в невидимое помойное ведро. За полчаса до финала решил разыграть майку с лицом Элиса Купера. Элис на ней хорош: вампирская металлокерамика, пропитанная бутфорской кровью рубаха, глаза цвета кожицы спелого огурца. Я задал конкурсный вопрос, и Света прикусила губу. Потом резко выдохнула:

– Сегодня я буду говорить только правду. – Я в это не поверил. – Ведь все было очень и очень сложно. Это сейчас мы сильные, успешны, интересны радиослушателям. И я подчеркну... Мы лучший коллектив из всех, кои мне довелось видеть. Многие знают, как два года назад со станции ушел Андрей Горенко. Ушел со скандалом. А с Андреем ушли многие. Ушли почти все. Мы остались вдвоем – я и Юра Царев. Представляете, что такое остаться вдвоем? Именно за это Горенко назвал нас ссученными предателями. На всю Москву так назвал. Обидно? Да, безусловно. Но мы не дрогнули. Здесь мы с Юрой ели, здесь спали, здесь делали наше любимое радио. Помню, как набирали новостников... Это и забавно, и грустно. Игоря Лутовинова взяли буквально с улицы. Натурально взяли с улицы. Помню, как Игорь пришел на собеседование. Несуразный такой, испуганный, абсолютно не готовый, с запашком спиртного, – усмехнулась Света. – Видимо, принял для храбрости. И, если честно, то он мне сразу не понравился. Я отказала. А через мгновение посмотрела в его глаза, увидела бездну печали и тоски и взяла. Взяла и не пожалела. Валентина Гырбу, один из наших продюсеров... Наша умница-молдаваночка. Девочка, которая из грязи да в князи. Валечка ведь до нас работала на телефоне салона интим-услуг. Она и не скрывала. Прямо с порога сказала: «Помогите вырваться из этого кошмара! Я всю жизнь мечтала о радио! Нет сил больше на проституток и сутенеров смотреть!» Прямо с комсомольским запалом сказала. Жалко стало девчущку. И я ее тоже взяла...

За стеклом звукорежиссерской скапливался редакционный люд. Было видно, как с губ Вали Гырбу срываются слова не для эфира. Света продолжала:

– ...Так и собирался по крупинке наш дружный коллектив.

– Та-а-к, ну что там у нас с розыгрышем маечки? – мне хотелось спасти ситуацию. – Нет пока правильных ответов. К сожалению – нет. Будьте активнее, уважаемые радиослушатели!

– Да ладно тебе с этой маечкой. Подаришь кому, если что. Друзья, вы не представляете, что у меня сейчас на душе творится... Меня всю разрывает от грусти. Ларочка Самойлова – наш корреспондент. Героическая девочка Ларочка. Приехала к нам издалека, из Омска. А там осталась семейная драма. Там отец-алкоголик парализованный остался, больная мать на трех работах, брат с синдромом Дауна и дедушка-инвалид. Ларочка в Москву рванула. Нет, не от проблем рванула, не от родни. Рванула, чтобы пробиться, чтобы помогать кровинушкам своим. И помогает. И скучает по дому.

Из аппаратной напомнили о времени газетных заголовков. За стеклом стояло уже человек двенадцать. Для комнаты, с трудом вмещающей пятерых, – много. В глазах некоторых ребят застыл ужас. Казалось, сквозь стекло неслись запахи табака, парфюма и пота. Света читала про иранскую ядерную программу, пожар на водохранилище и трех новопреставленных байкерах из Костромы. До финала передачи оставалось десять минут. Прозвучала рекламная перебивка. Сразу за ней вступление композиции The Best. Я появился из-за спины Светы и, чмокнув ее в

щеку, вручил хризантемы. Назвав меня «мой хороший», Света расплакалась. Пела Тина Тернер, плакала в микрофон Света, блуждала идиотская улыбка по моему лицу. Вот и все. Разыграем маечку, примем пару-тройку звонков от радиослушателей и уйдем на выходные.

– Светочка, конечно же, все понимают, как тебе сейчас нелегко, – штампанул я. – Но тебя ждет новый вызов, новый трамплин. И я верю, что ты взлетишь, и взлетишь очень высоко.

– Ты прав. Но я договариваюсь о том трамплине, по которому скользило наше радио. О высоком, опасном трамплине. Хочу сказать несколько слов о своих соведущих... О тех, с кем мне довелось вести эфир. Был Василис Торосидис, был Саша Ковальский, теперь вот ты, Артем. Но сильнее всех был и остается Андрей Горенко. Равных ему нет...

Имя Горенко в нашем эфире старались не произносить. Его знаниям и манере ведения передач завидовали многие журналисты. К высотам его профессионализма стремились многие негодяи. Андрей Горенко был одним из тех, кто доказал, что подонок и негодяй – это не просто человеческие качества.

– ...Прости, Артем, но Горенко действительно лучший. Да, есть поступки, которые его не красят, но он профи. И он таким останется. Останется лучшим. Моя коллега Машенька Палей... Великолепная ведущая, умница. Но если спросить Машеньку, от кого у нее ребенок, она никогда не ответит. И не расскажет, как Андрей Горенко выставил ее с вещами за двери нашей радиостанции. С вещами выставил и с их общим ребенком, который тогда был еще грудничком... Машенька выдержала этот удар. Воспитывает красивого малыша, любима и узнаваема слушателями...

Люди за стеклом стали напоминать застывшие экспонаты. Я предпринял еще одну попытку съехать на розыгрыш маечки. Прикидывал в уме, кому Света не успела сказать спасибо. С редактором Наташей Веригиной поделился триппером юный шаурмист из Митино. Она любит молодых и чернявых. Наташа передала венерическую эстафету мужу. Диктор Вероника Юматова несколько лет назад подозревалась в отравлении пенсионерки. Бабульку напичкали ядом, квартиру благополучно отжали. Боря Савченко уже три месяца живет с активным оппозиционером Лешей Костенко. Карину Мамедову подозревали в связях с неонацистами. Казалось, голос Светы звучит откуда-то издалека.

– А наш водитель Рома Салихов! – Как же я мог забыть про Рому? – Вы не представляете, как мы переживали за Ромку. Помните тот случай, когда он насмерть сбил чету пенсионеров? Ведь сначала утверждали, что Рома был под градусом. А не было никакого градуса! И это доказала повторная экспертиза. Сколько эфирных минут я посвятила тому, чтобы отстоять правду. Нашу и Ромкину правду. Спасибо вам, родные коллеги! Поверьте, мне было очень нелегко все это делать с нуля. Но помогали вы. Вы и наши любимые радиослушатели. С понедельника Артем выйдет в эфир, а рядом с ним будет Таня Граббе. Милая Танечка Граббе, о которой хочется сказать так много. Как мы гасили ее конфликт с Вероникой! О-о-о! Всё, всё, всё! Звукорежиссер эфира показывает, что нас поджигает время. Люблю вас, дорогие мои! Счастья вам! И спасибо! Огромное спасибо за все!

Подниматься из кресла было тяжело. Взгляд скользил по ленте СМС-сообщений. Смайлики со слезами, смайлики, блюющие зеленой мокротой, пожелания возвращаться и гореть в аду. В аппаратной не было никого, кроме звукорежиссера Лены. Она грустно улыбалась. У дверей студии стоял наш главный редактор Юра Царев:

– Прощание получилось несколько своеобразным, правда?

– Чересчур, – сказал я.

– Но ты не расстраивайся! – Юра похлопал меня по плечу. – С понедельника, можно сказать, новая жизнь! Света на телик, ты с Танечкой.

– А Танечку на телик не переманивают?

– Нет, что ты, что ты? Танечка у нас надолго. До прощаний еще далеко. Так что ты это, не переживай.

Подошел Стасик Малецкий. Худой, угрюмый, в глазах надежда:

– Тема, как прошло?

– Ты же знаешь.

– Меня в офисе не было. Поэтому я только краем уха слышал.

– И это даже лучше, – сказал я.

– То есть она и мне сказать спасибо успела?

– Нет. Тебе, Стасик, повезло.

За Стасом подошли Люда Скоблина и Катя Теменева с такими же вопросами. Упорхнули счастливыми. Поздним вечером позвонила Юля. Это она не спала ночами, проводила пробы ведущих, привлекала рекламу. Голос Юли звучал тихо. Она говорила, что до сих пор не может понять. Сказала, что переслушала запись эфира два раза. Ей было обидно за рыдающую дома Машу Палей и ее малыша. Беседовала со Светой. Несколько раз спросила, зачем. Света во всем обвинила меня и букет хризантем: расчувствовалась, мысли попали в хаос путаницы, говорить было тяжело. С правдой всегда так. Ее лучше не анонсировать.

Чисто

Игорь ковырнул слабо прокопченное брюхо салаки. Раздавлив рыбешку пополам, выпил оставшуюся водку, закусил. Качаясь из стороны в сторону, к столику подошла официантка. Официантки вагонов-ресторанов всегда качаются из стороны в сторону. У них варикозное расширение вен и проблемы с вестибулярным аппаратом.

– Вы уже четыреста граммов водки выпили. А через десять минут латвийская государственная граница. А за ней – российская государственная граница. Кондиционеры не работают. В купе вас может разморить, и все закончится плохо.

– В смысле вырвет?

– В смысле с поезда снимут.

Игорь рассчитался. На чай расщедрился не шибко. Подумал, что дело официантки выполнять заказы, а не прогнозами делиться. Двери тамбуров поддавались с трудом. В одной из гармошек-перемычек он остановился. Озорной струей оросил мелькающий под ногами щебень и шпалы. На мгновение почувствовал себя Икаром. Еще двенадцать часов, и Игорь увидит Лену. Они будут пить кофе с коньяком и говорить, что пятнадцать лет – это вечность. Возможно, и близость случится. Не такая ураганная, как в те годы, но по-своему приятная и запоминающаяся.

В купе было душно. Пахло сидевшей у окна бабушкой и крахмалом. Совсем еще юная девушка двумя ручками приближала к глазам томик Коэльо.

- Про что пишет? – поинтересовался Игорь.
- Ну... Ну вообще-то про секс.
- И я люблю про секс.
- И что вам нравится?
- «Лука Мудищев».
- Про такого не слышала.
- И зря... А еще я «Баню» люблю.
- И я люблю. Особенно финскую.

Бабушка нервно отломилла печенье, состав судорожно затормозил. У латышского пограничника была шипящая фамилия и мятая рубашка. Что-то вяло пробормотав про оружие и наркотики, он удалился. Игорь вспомнил первую встречу с Леной. Он шел по Пятницкой. Увидев красавицу в легком шифоновом платье, попросил подождать несколько минут. Цветочного поблизости не было. Забежал в продуктовый, купил большую коробку конфет с лилиями. Потом они угощали конфетами прохожих...

Старший лейтенант российской таможни бегло просмотрел паспорт бабушки. Наклонившись к торчащей из кармана рации, произнес:

- Прокопенко Лидия.
- Прокопенко Лидия, чисто, – донеслось из решетки динамика.
- Настал черед паспорта Игоря. Офицер снова наклонился к рации:
- Игорь Шибаев. На конце Семен.

В рации раздался смех:

– У Шибаева на конце Семен? Ну и как ему? Хорошо, наверное, на конце с Семеном? Игорь Шибаев, чисто.

– Я имел в виду Шибаевс. Ну как у латышей пишется. На конце «с». Вот я и говорю – Семен на конце, – пограничник хохотнул.

Брата Игоря звали Семен. Фамилию столько раз коверкали в школе, что он хотел ее сменить. Шутка саданула по размякшей от водки душе.

– Господин офицер! Разрешите поинтересоваться? Как фамилия веселого человечка из черного ящичка с антенной?

– Ну, во-первых, это не веселый человечек, а старший сержант. А во-вторых, вам не должно быть никакого дела до его фамилии. Он пограничник.

- А ваша как, если не секрет?
- Моя фамилия Гуренко.
- Старший лейтенант Гуренко чисто... Чисто мудака.

Бабушка с внучкой как могли упрасивали пограничников. Подключилась проводница. Все уверяли, что Игорь так больше не будет. Но Игорь молчал. Денег решил не предлагать. Из гордости. Закинув на плечо легкую сумку, в сопровождении военных двинулся на выход. На таможне продержали недолго. Составили протокол, страшали закрыть въезд в Россию на пять лет. Он брел по пустынным улицам незнакомого города и думал о Ленке. Послезавтра она улетит в Веллингтон, и они больше никогда не увидятся. Пятнадцать лет показались спринтерским рывком времени.

Игорь выложил на прилавок гастронома огромную коробку конфет.

– Это вам, девушка. Чисто подарок. А мне бутылку водки. И подскажите, как быстрее добраться до Риги.

Гречка

Дом, в котором проживал Арнольд, называли офицерским. Серое трехэтажное здание, под окнами – лютики, окурки и мертвые воробьи. По воробьям бил из воздушной винтовки изредка вменяемый лейтенант Колышинский. Он же был ответственным за эвакуацию жильцов в случае пожара. Стены и подъезды офицерского дома частенько освежали краской, на которую не скупилась воинская часть. Происходили внеплановые ремонты – во многом благодаря прапорщику Алешенко. Надпись «Прапор Алешенко – пидор» появлялась часто.

По выходным из окон строения доносились перепевы Пугачевой и Антонова, звон оплеух и грохот вертевшихся в танце тел. Арнольд соседей пытался не замечать, но здоровался, исправно ходил в институт, а в душе радовался, что не продолжил военную династию. Истомяющие запахи водки и гуталина прапорщички, сосредоточенные и обезжизненные штудированием устава лица офицеров, отбывающих на недельные дежурства, безвкусно одетые жены служивых – вот чем была для него армия.

Женщин офицерского дома Арнольд причислял к особам ограниченным и к семейной жизни абсолютно непригодным. Они пользовались духами с запахом, отбивающим желание близости, носили тугие цветастые платья не по фигуре и по несколько раз плакали над одним и тем же индийским фильмом.

– Ира, а Ир! А как его мать спасла-то! Женщина – стена! Глыбища в сари! Схватить голыми руками гитару под напряжением... Я на этом месте белугой ревела, Ирка! И перед сном, перед сном, как вспомню эту сцену, аж ночнушка от пота мокрая. А мой дурак говорит, мол, кино все это, мол, пустые переживания...

К частым обсуждениям фильма «Танцор диско» Арнольд привык и, слышав разговоры дворовых рецензенток, не морщился, как это было поначалу. Больше парня раздражало другое. Женщины офицерского дома казались ему чертовски бесхозяйственными. То и дело Арнольда беспокоили с просьбой отсыпать немного манки, подарить коробок спичек, одолжить на время штопор или глубокую сковороду. До небольшого магазинчика всего-то метров пятнадцать ходьбы, но жилицы офицерского дома шли не к прилавку с вечно улыбающейся и пьяненькой продавщицей Лидией, а к Арнольду. Просьбы обычно сопровождались претендующим на юмор ехидством.

– Что, Арнольдик, все гранит науки грызешь? Или уже лижешь? Смотри, сотрешь язык и целоваться с девками нечем будет. А я к тебе за спичками зашла. Не дашь коробочек?

Иногда Арнольду казалось, что ему беззастенчиво хаят.

– Ой, Арнольдик! Совсем исхудал за книжками-то! И девка у тебя под стать. На такие кости и мясо не просится. Ты бы пошел, на турнике поболтался. А то мордахой-то герой-любовник, именем вообще поражаешь, а тела – что березка в конце осени. Я к тебе вот что, за манкой я зашла...

Постоянный трезвон в дверь и издевки Арнольду надоели, и он решил избавиться от назойливости беспардонных соседок. Слева от двери Арнольд установил небольшую прикроватную тумбочку, которую приволок с балкона. В облупившееся нутро аккуратно поставил пакеты с манкой и гречкой, две упаковки спичек и полиэтиленовый пакет с солью. На белом листе бумаги каллиграфическим почерком вывел: «Крупа, спички, соль». С сахаром в то время были перебои, и непутевую жизнь обитательниц офицерского дома Арнольд решил не подслащать. Ассортимент тумбочки юноша приклеил на уровне дверного звонка. И визитерш не стало. Через три дня, приоткрыв дверцу хранилища, Арнольд обнаружил, что провиант нетронут. А на следующий день в дверь позвонили. На пороге стояла Валентина, жена прапорщика Алешенко. Валентину окутывал флер настоящей на спирту цветочной выжимки, чем-то отдаленно напоминающей сирень, глаза женщины были подернуты алкогольной поволокой, а под байковым халатом цвета уставшего персика вздымалась фактурная грудь.

– А я к тебе за гречкой, Арнольдик, – пропела резко благоухающая женщина.

– Гречки нет, тетя Валя. Я ее с детства не ем, поэтому не покупаю. Зато в тумбочке манка имеется.

На слове «тетя» Валины губки заметно скривились. Для женщины тридцати лет такое определение статуса сродни оскорблению.

– Ах ты дурашка, Арнольдик... Юнец ты непонятливый. Ну какая же я тебе тетя? Какая гречка, какая манка?... Да неужели же ты думаешь, олух непутевый...

Валентина Алешенко надвигалась на растерявшегося студента. Оказавшись в прихожей, гостя закрыла дверь, по-хозяйски щелкнула замком. Рот Арнольда был приоткрыт, руки он почему-то вытянул по швам. Теперь перед ним стояла не просто жена прапорщика Алешенко, а воительница, оголодавшая самка, перед ним напрягалась раскаленная плоть. Арнольд попятился, и в следующее мгновение был прижат к стене. Над головой качнулся эмалированный таз. Несколько маятниковых движений, и посуда с грохотом сорвалась на пол, не задев, к счастью, хозяина квартиры. Это было сигналом! Валентина навалилась грудью на Арнольда, ее язык прорвал оборону побледневших губ жертвы, а руки беспорядочно скользили по телу.

– У-у-х, крепкий-то какой. Как стамеска... – сквозь зубы процедила жена прапорщика Алешенко, ухватившись за вытянувшийся дугой детородный орган.

Теперь уже глаза юного Амура были подернуты туманом похоти, и он не заметил, как оказался на ковровой дорожке цвета бордо, ранее украшавшей кабинет отца. Валентина резко рванула пояс халата. Даже в снах, после которых обнаруживаются небольшие пятна на простынях, Арнольд не видел такой груди. Большие соски показались жерлами огромных пушек, старающихся поймать цель. Малюсенький золотой крестик то и дело исчезал между колышущимися сферами, и Арнольд, исходя стонами, понимал, как несовершенны его институтские подруги. До этого он видел Валентину степенно расхаживающей по аллеям парка в компании подруг. Он наблюдал ее сидящей на лавочке и поднимающейся по лестнице. И ему и в голову не могло прийти, что эта далеко не хрупкая женщина может устроить настоящий половой вестерн с галопированием и стонами, которых никогда не издать его чересчур кроткой подруге. В один из моментов Валентина перешла на звериный рык, Арнольд судорожно дернулся и издал звук, схожий с поскуливанием.

– Ну вот... Вот и обмяк... Быстрый ты, Арнольдик. Но это по юности. С опытом, с годами придет, – через одышку проговорила Валентина, запахивая халат. – Уф... Но хороша гречка, хороша. Не гречка, а гранит. Видно, не особо тебя деваха-то балует. Сам-то далеко улетел, поймал птицу блаженства?

– Да, тетя Валь... Поймал... – с трудом выговорил Арнольд.

– Ты вот что, Арнольдик. Ты меньше «Спокойной ночи, малыши» смотри. Это там тетя Валя, Арнольдик. А я для тебя Валюша, Валечка, Валюня. И никак не тетя. А вот не исправься, больше не приду. А ведь хочешь, чтобы пришла, а?

– Очень хочу, – с интонацией некой застенчивости проговорил Арнольд.

Обещание еще свидеться Валентина исполнила уже через день. Отношения переместились с ковровой дорожки на простыни, а после ухода гостя Арнольд понял, что секс, как и любое занятие физическим трудом, требует выносливости и тренировки. Отныне визиты Вали он воспринимал не только как приятные, но и как чересчур полезные. С мужем любительницы «гречки» Арнольд здоровался сухо. А после одной из встреч на улице с ехидцей подумал: «Вот она, моя первая жертва. Плюгавый, несуразный рога носец в погонах».

Вечером осенней пятницы Арнольд готовился к студенческому походу. Собирал в небольшой рюкзак теплые вещи, укладывал банки с килькой. Над головой затопали. Казалось, что соседи бегают из комнаты в комнату. На любовную прелюдию с игрой в «салочки» прапорщик Алешенко был не способен ни морально, ни физически. Услышав крик «сучара» и звук чего-то вдребезги разбившегося, Арнольд понял, что над его головой разыгрывается военно-бытовая драма с участием Валентины. Подняться наверх и затеять выяснение отношений с прапорщиком – значит выдать и Валу, и себя. К счастью, все неожиданно стихло. Но не успел Арнольд с облегчением вздохнуть, как в дверь позвонили. В узком проеме стоял прапорщик Алешенко. Пунцовый, трясущийся и недружелюбно настроенный. Впрочем, эту картину Арнольд наблюдал недолго. С криком: «Падла, она мне все рассказала!» – разъяренный воин пошел в атаку. Первый удар был непрофессиональным, но чувствительным, – школа неблагополучного района и драк в подворотнях. Оказавшись на ковровой дорожке, Арнольд тут же был придавлен навалившимся соседом. В этот момент он подумал, что семья Алешенко становится все ближе и даже роднее. Еще недавно к этой же ковровой дорожке он был прижат гарцующей Валентиной, а теперь пытался с себя скинуть ее агрессивного мужа. Удар в бок придал Арнольду злости, и пружинящее колено резко вклинилось между ног нетрезвого агрессора. Реакция пропустившего удар была неоригинальной.

– Ай, с-с-у-у-ка! Яйца-а-а!

С этим воплем гость потерял инициативу. Вскочив, Арнольд что есть силы приложился кулаком к уху поверженного противника, добавил ногой по ребрам и, ухватив прапорщика за ворот, с огромным трудом выпихнул за дверь. Заперевшись, Арнольд прислонился спиной к двери и тут же от нее отскочил. Алешенко лупил сапогами.

– Если не успокоитесь, милицию вызову! – пригрозил Арнольд.

Удары стали помощней, скрипнули петли. Арнольд посмотрел в глазок. Пинал Алешенко от души. Гримасничал, размахивал руками.

– Вы низко пали, товарищ прапорщик! Вы должны подавать пример, а вы... А вы анти-пример подаете, – осмелел хозяин жилища.

– Я те паду низко, сучок! Я те так низко паду! По самые твои перепелиные яйца забетонирую. Мне Валька все рассказала, тихушник блядский!

И вдруг подъезд огласил крик Валентины:

– Сашенька! Он же тебя в кровь всего! Вся рубаха в крови! Ах ублюдок! Ах нелюдь.

Неожиданно все стихло. За стеной смотрели передачу «Шире круг», на кухне последние пары высвистывал чайник. Арнольд медленно побрел в ванную, ополоснул лицо, мельком глянул в зеркало. Лицо красное, губа чуток рассечена. Завтра будут надоедливые расспросы

ребят и Анжелы. Трель звонка вновь вернула к реальности. Прильнув к глазку, Арнольд увидел двух милиционеров. Чета Алещенко провожала выкриками о неминуемой мести, расплате и Божьей каре.

В участке пахло дешевыми сигаретами и химикатами, убивающими обоняние и клопов. Вопросы звучали монотонно и глупо. Но было видно, что милиционерам скучно, а subtilный Арнольд им неинтересен. На прощание посоветовали больше так не делать и прониклись просьбами не сообщать по месту учебы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.